

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

АДМИРАЛ НЕЛЬСОН: ОТ НЕАПОЛЯ ДО ТРАФАЛЬГАРА *

Член-корреспондент АН СССР В. Г. Трухановский

1—2 августа 1798 г. у побережья Египта, в Абукирском заливе, произошло сражение между английским флотом, которым командовал дотоле мало известный контр-адмирал Нельсон, и французским флотом под командованием вице-адмирала Брюэса. Английский флот одержал решительную победу. В результате 30-тысячная армия генерала Бонапарта оказалась отрезанной в Египте, что впоследствии привело к ее полному поражению и утрате Египта французами. Но это произошло через два с лишним года. А до этого на Средиземном море развернулся ряд важных событий.

Нельсон покинул Абукир 19 августа 1798 года. Он направился в Неаполь и взял с собой три корабля, сильно пострадавшие в битве с французским флотом. Опасались, что до Гибралтара они могут не дойти, а до Неаполя, что значительно ближе, возможно, и дойдут. Ветер был слабым либо вообще противным, корабли — не в порядке; поэтому шли медленно. Нельсон отдыхал. После огромного напряжения в течение более чем двух месяцев, проведенных в поисках кораблей Бонапарта, и ранения в голову контр-адмирал слег. Когда битва кончилась, спало нервное напряжение, наступила реакция. И сам Нельсон и его спутники понимали, что он серьезно болен. Врачи настаивали, чтобы контр-адмирал взял отпуск, поехал в Англию и там подлечился. «Моя голова, — писал Нельсон с дороги главнокомандующему английскими эскадрами в Средиземном море адмиралу Сент-Винценту, — раскалывается, раскалывается, раскалывается...». Писать ему было трудно, и он трижды пытался изобразить последнее слово.

Путь Нельсона по служебной лестнице английского военно-морского флота был нелегок. Он родился в Англии 29 сентября 1758 г. в многодетной и бедной семье приходского священника Эдмунда Нельсона, в графстве Норфолк, в деревне Барнэм Торп. Горацио был шестым ребенком. Мать умерла, когда ему было девять лет. Мальчик недолго посещал школу в Норвиче, и уже 12 лет его пристроили на корабль его дядюшки, капитана Мориса Саклинга. Тот вначале иронически отнесся к желанию хуленького и болезненного подростка стать моряком: «Ладно, — сказал он, — пусть приходит. Может статься, пушечное ядро оторвет ему голову и тем самым раз и навсегда решит вопрос о его обеспечении».

Для Горацио началась тяжелая жизнь в тесном кубрике парусных судов, до предела набитом такими же, как он, юными моряками. Дисциплина была жесткая. Морскому делу учили не столько преподаватели, сколько сама жизнь на корабле, полная опасностей. Горацио со рвением исполнял свои трудные обязанности. Вскоре Саклинг устроил его в плавание в Вест-Индию на торговом судне. За это время юноша изучил элементы навигации и управления парусником. По возвращении из плавания Горацио, опять же при поддержке дяди, попал на тендер (небольшое одномачтовое судно), курсировавший в устье Темзы. Появилась возможность в совершенстве освоить трудное искусство управления небольшим судном и научиться плавать по мелководью среди отмелей и островов. А 15-ти лет он участвовал в экспедиции в арктические моря. Самая экспедиция оказалась бесполезной, и от нее остался, пожалуй, лишь анекдот о том, как Нельсон с товарищами встретили белого медведя и Горацио пытался убить его ружейным прикладом. По возвращении Нельсон уходит на фрегате в трехлетнее плавание к берегам Индии. Вернулся домой еле живым: его мучи-

* Полностью очерк о Нельсоне будет опубликован в историко-биографическом альманахе «Прометей».

ла лихорадка. Но вскоре выздоровел и ушел в новое плавание, на этот раз к берегам Вест-Индии.

Каждый раз — новые корабли, новые люди, новые страны, и лишь одно постоянно — тяжелый и опасный труд моряка на всех ступенях, от рядового матроса до лейтенанта. Безупречно прослужив шесть лет, Горацио выдержал экзамен на офицера. 20-ти лет он впервые получил самостоятельное командование судном. То был бриг «Баджер». По единодушному мнению биографов, здесь сыграло свою роль и то обстоятельство, что Саклинг занимал важный пост контролера флота. Спору нет, Нельсон был отличным моряком. Но мало ли отличных моряков навсегда застревали в должности лейтенанта?

В 1779 г. состоялось первое сухопутное дело, в котором участвовал Нельсон. Ему было поручено доставить морем и рекой экспедицию для захвата важного испанского форта в Никарагуа. Самостоятельно расширив рамки своего задания, Нельсон принял участие в атаке форта. Дизентерия свалила большую часть отряда и самого капитана. Из 200 подчиненных ему моряков осталось в живых лишь 10. Выздоровление для Нельсона оказалось длительным и трудным. Но миновало и это испытание, а вслед за ним пришло звание капитана 1-го ранга. С 1793 г. Нельсон командовал линейным кораблем и участвовал в боевых действиях против Франции на Средиземном море. В бою на острове Корсика в июле 1794 г. (опять сухопутное дело) он лишился правого глаза. Отличившись в сражении с испанским флотом при Сент-Винсенте (февраль 1797 г.), получил звание контр-адмирала. В бою при о. Tenerif в том же году потерял правую руку. С таким послужным списком в 1798 г. Нельсон был назначен командующим эскадрой для поиска и уничтожения флота Бонапарта, отправившегося в Египетскую экспедицию.

В Неаполе Нельсон собирался пробыть только 4—5 дней. Плыли туда более месяца. Накануне прибытия неожиданный шквал сломал мачты на «Вангарде», и 22 сентября адмиральский корабль подходил к Неаполю на буксире фрегата «Талия».

Встреча была бурной и превзошла все ожидания Нельсона. По зеркальной глади Неаполитанского залива навстречу английским кораблям скользило 500 судов под разноцветными парусами. На палубах толпились тысячи ликующих неаполитанцев, восторженно приветствовавших гостей. Гремели оркестры, не переставая, звучали мелодии «Правь, Британия» и британского гимна «Боже, храни короля». Первой к «Вангарду» подошла барка английского посланника Гамильтона. Ее встретили салютом из 13 орудий. О том, что было дальше, Нельсон рассказывал в письме домой: «Сцена в лодке была необычайно эффектной. Вверх взлетела жена посланника и с возгласом «О боже, неужели это возможно?» в полубомороке упала в мои объятия. Слезы, однако, вскоре привели ее в чувство... Я надеюсь когда-нибудь представить тебя леди Гамильтон. Она одна из лучших в мире женщин». Через час с «Вангарда» прозвучал салют из 21 орудия. Это властитель Королевства обеих Сицилий Фердинанд IV лично пожаловал на борт английского корабля, чтобы поздравить контр-адмирала с победой над французами.

Неаполь шумел на протяжении многих дней. Музыка, иллюминация, фейерверки, приемы, обеды... Центром торжеств было посольство Британии — резиденция Гамильтонов, палаццо Сесса. Нельсон собирался остановиться в гостинице, но Гамильтоны не хотели и слышать об этом. Его устроили в лучших апартаментах дворца, предназначенных для самых почетных гостей. Кульминацией празднеств стал прием 29 сентября по случаю дня рождения Нельсона. Ему исполнилось 40 лет. Во дворец Сесса было приглашено 1 800 гостей. В большом зале поставили роstralную колонну с выгравированным на ней изречением Цезаря «Пришел, увидел, победил» и именами английских капитанов, сражавшихся при Абукире. Нельсон от души наслаждался восторженными восхвалениями, несшимися со всех сторон. Раненая голова кружилась.

Эмма Гамильтон взяла на себя заботу о здоровье контр-адмирала. Нельсон лежал в комнате на втором этаже, из широких окон которой открывался величественный и прекрасный вид. Залив был как на ладони, но английских кораблей — ветеранов Абукира — видно не было; они чинились в доке. Вдали высился Везувий. Эмма кормила больного бульонами, поила ослиным молоком, читала ему вслух и меняла по-

вязки на ране. Впервые в жизни Нельсон чувствовал такую нежную, трогательную заботу...

Ему нужно было выздоравливать, и поскорее. Адмиралтейство, получив донесение о победе над французским флотом, поставило перед эскадрой Нельсона в Средиземном море новые задачи. На нее возлагались «защита побережья Сицилии, Неаполя и Адриатики и, если военные действия в Италии возобновятся, активное сотрудничество с австрийской и неаполитанской армиями». В директивах адмиралтейства Нельсону поручали осуществить блокаду Египта, Мальты и сотрудничество с русской и турецкой эскадрами, которые, как ожидалось, должны были появиться в восточной части Средиземного моря.

Неаполь, точнее — Королевство обеих Сицилий, был главной ареной деятельности Нельсона в те годы. Ему приходилось иметь дело прежде всего с двумя парами: королем Фердинандом IV и его супругой Каролиной и английским посланником сэром Уильямом Гамильтоном и его супругой Эммой. Обе женщины играли самостоятельную политическую роль, порой значительно более важную, чем их мужья.

Фердинанд происходил от испанской ветви Бурбонов. Был он человеком тупым, ограниченным, очень любил свежевать туши убитых на охоте животных. Править ему приходилось в бурное время. Французская буржуазная революция и поход Бонапарта в Италию не раз заставляли Фердинанда спасаться из Неаполя бегством. Как-то английский представитель, желая успокоить его страхи перед народным восстанием, заметил: «Чего вы боитесь, ваше величество? Ведь ваши неаполитанцы — трусы». На это Фердинанд ответил: «Но ведь я тоже неаполитанец и тоже трус». Зато он был злобен и крайне мстителен, когда чувствовал себя в безопасности. Трусы часто бывают злобными.

Король был женат на Каролине, дочери австрийской императрицы Марии-Терезии. Королева, хотя и произвела на свет 18 детей (из них 8 остались в живых), успевала еще заниматься государственными делами и за себя и за мужа. Постепенно она совершенно подавила волю Фердинанда и взяла управление страной в свои руки. Ее действия несли на себе сильный отпечаток австрийского влияния. Революционные события в Европе напугали все феодальные дворы, в том числе неаполитанский. Королю Фердинанду пришлось принять дипломатического представителя новой Франции. То ли с умыслом, то ли случайно, но в этой роли прибыл в Неаполь и вручал верительные грамоты человек, в свое время оглашавший в Париже смертные приговоры Людовику XVI Бурбону и его жене, родной сестре Каролины Марии-Антуанетте. Много раз приходилось дрожать неаполитанской королеве, опасавшейся, что ее может постичь судьба сестры. И теперь, взяв в руки фактическую власть в королевстве, Каролина с последовательной жестокостью стремилась истребить любые ростки либерализма, которые возникали в неаполитанском обществе.

Королевство обеих Сицилий было расположено в центре Средиземного моря и поблизости от Южной Франции. Поэтому оно являлось желанным союзником для Англии в ее неустанной борьбе против Франции. Англия же располагала флотом, который мог бы защитить в случае нужды длинную береговую линию Неаполя от нападения французов. Поэтому Неаполь был участником Первой коалиции и последним покинул ее.

Теперь французские войска находились в непосредственной близости от Неаполитанского королевства — в Риме, где они ликвидировали власть папы и создали Римскую республику. В 1798 г. была образована Вторая коалиция против Франции, и войска ее участников, Австрии и России, должны были начать военные действия на суше. В случае успеха коалиции французы могли оказаться вынужденными уйти из Италии. Каролина и Фердинанд горели желанием сыграть видную роль в этой войне, но явно трусили. Абукирскую победу и присутствие Нельсона в Неаполе они восприняли как гарантию успеха в сухопутной кампании против французов в Италии. Не удивительно, что победа Нельсона при Абукире была с таким восторгом встречена неаполитанским двором.

Представителю Англии при короле Фердинанде Гамильтону в 1798 г. было уже 68 лет. Из них примерно половину он провел на посту посланника в Неаполе. До последнего времени пребывание в этой должности доставляло сэру Уильяму немалое

удовольствие. Не то, чтобы его интересовали хитросплетения неаполитанской политики, — они были мелки и довольно примитивны. Гамильтон любил Италию, ее природу, яркое голубое небо, теплое Средиземное море, Везувий и горы. Он был человеком умным, образованным, увлекался историей, а еще больше — искусством древнего Рима и Греции. Собранный им коллекция этрусских и греческих ваз (из раскопок) была очень богатой. Сохранившуюся ее часть и сейчас можно увидеть в Британском музее в Лондоне. Посланник собирал и картины: у него была хорошая коллекция полотен великих мастеров европейского Возрождения. В холлах и залах палатцо Сесса можно было увидеть работы Леонардо да Винчи, Рубенса, Рембрандта, Гальса, Ван Дейка и других первоклассных художников. Все свободное время Гамильтон отдавал изучению своих сокровищ или просто их созерцанию. Правда, досаждали любящему покой и размышления посланнику английские туристы, которых и тогда было много. Современники, не предвидевшие «туристской революции» XX в., даже говорили в те дни, что в Неаполе нельзя и шагу ступить, чтобы не наткнуться на англичанина. И все это была знать (а кто же еще мог позволить себе тогда проехаться для удовольствия в Италию?), зачастую высокопоставленная, включая членов королевской семьи. Эти люди претендовали на особое внимание посланника. Они-то и оставили массу воспоминаний и писем о сэре Уильяме, его супруге и о пребывании адмирала Нельсона в Неаполе в 1798—1799 годах.

В то время леди Гамильтон было 33 года. Красивая, энергичная, умная, полная жизни и огня, она значила гораздо больше в политической жизни королевства, чем ее супруг. Постепенно сложилось так, что реальной правительнице страны Каролине легче и проще было обсуждать дела с Эммой, чем с ее пожилым и равнодушным мужем. Многие разговоры можно было вести неофициально, а это сохраняло свободу действий. Сэр Уильям вступал в дело на последнем этапе и официально санкционировал то, что предварительно было согласовано с ним через Эмму. Две энергичные женщины сконцентрировали в своих руках основные нити политики, которые король Фердинанд не мог дергать из-за того, что природа весьма экономно наделила его интеллектом, а сэр Уильям — из-за угасшего интереса к политическим интригам.

Отпрыск древней аристократической фамилии — герцогов Гамильтон, сэр Уильям был не первым сыном и потому не являлся обладателем семейного достояния. Его мать, происходившая из семьи графов Аберкорн, была кормилицей будущего английского короля Георга III. В детстве мальчик играл с наследным принцем. Происхождение дало Уильяму связи в высших кругах. Эти связи обеспечили ему получение поста посланника в Неаполе и рыцарский крест ордена Бани, которым, по словам современного биографа, его наградили «за то, что он был там, где был», то есть тихо и спокойно сидел на берегу Неаполитанского залива. В молодости Уильям служил в гвардии и женился на своей родственнице Екатерине Гамильтон, получившей по наследству крупное поместье в Уэльсе с 5 тыс. ф. ст. дохода в год, очень солидной по тем временам суммой. На эти деньги и приобретались бесценные вазы и картины.

У первой жены сэра Уильяма было плохое здоровье, и она тихо скончалась в 1782 году. Эмма, прежде чем стать второй леди Гамильтон и поверенной королевы Каролины, прошла трудный, необычный, почти невероятный путь. Она родилась в Англии 26 апреля 1765 г. в бедной семье деревенского кузнеца в графстве Чешир. Росла смышленным, красивым ребенком. Семья была большая, и мать пристроила ее, еще почти девочку, прислужой. Эмма столкнулась с судьбой многих тысяч молоденьких девушек, шедших прислугами в аристократические семьи Англии. Еще до того, как ей исполнилось 15 лет, ее полной беззащитностью воспользовались некие субъекты «голубой крови». Весной 1782 г. она оказалась в доме 33-летнего аристократа-холостяка Чарльза Гревия и прожила в нем четыре года. Девушка много читала, жадно и быстро училась, с каждым днем расцветая внешне и внутренне. Со временем она стала настолько красивой, что с нее писали портреты крупнейшие английские художники Рейнольдс, Лоуренс, Хоппер и Ромни. Последний оставил несколько десятков портретов, рисунков и набросков с Эммы. Многие из них дошли до нашего времени, и их можно увидеть в музеях Англии и США. «Вскоре она уже выглядела бы вполне respectable в любом обществе», — замечает английский адмирал Джеймс, один из многочисленных биографов Нельсона.

В 1784 г. дядя Гревиль Уильям Гамильтон приехал в Англию в отпуск. Он был дружен со своим племянником и часто бывал у него в доме. Эмма сразу понравилась сэру Уильяму. Для Гревилья она была удобной, уютной и приятной хозяйкой его холостяцкого дома на Эджвэ-роуд. Для Эммы же Гревиль был тогда вообще всем: она его любила, и это признают не только ее друзья, но и враги. Девушка мечтала о том, что Гревиль на ней когда-нибудь женится. Ведь они так счастливо прожили четыре года, к тому же она по образованию и по манерам стала настоящей леди. Но у Гревилья были другие планы. Состояния он не имел, создавать его трудом не хотел да и не мог: люди этой породы привыкли все получать без усилий. Поэтому для него оставался один, проторенный многими путь: жениться на богатой наследнице. Тут подвернулся подходящий объект — невеста из знатной семьи с приданым в 20 тыс. ф. стерлингов. Для выполнения замысла Гревилья требовалось, чтобы Эмма покинула его дом. Просто выгнать ее на улицу было нельзя. Друзья Гревилья знали историю их отношений, возник бы скандал. Поэтому племянник решил передать свою возлюбленную дяде, благо тот вдовец и живет далеко от берегов Англии. Гревиль написал дяде в Неаполь, что поскольку он намерен жениться, то «хотел бы, чтобы женщина, сервирующая чай в доме на Эджвэ-роуд, была вашей». Дядя по разным мотивам колебался, племянник же его убеждал. Не все сомнения первого и не все доводы второго могут быть изложены здесь по соображениям пристойности, хотя эта переписка и опубликована в Англии. На опасения Гамильтона — «Что скажут в свете» — Гревиль отвечал так: «Вы знаете, что свет не требует нас к ответу, если мы не нарушаем приличий». Гамильтон согласился, и договоренность была достигнута.

Джек Рассел, автор большой книги об Эмме Гамильтон, проникнутой откровенной неприязнью к ней, констатирует: «То, что такая сделка могла быть заключена двумя цивилизованными джентльменами, обладающими изысканными манерами, которые торговали женщиной, как лошадью, свидетельствует лишь об уровне морали тех дней». У разных классов — разная мораль. В данном случае речь идет о морали правящей английской аристократии тех времен. «То, что любовница перешла от племянника к дяде, считали несколько эксцентричным, чуточку смешным, но не было ни шума, ни порицания, хотя все было достаточно хорошо известно, когда Эмма утвердилась в Неаполе. Гревиль позднее стал членом королевского двора... А сэр Уильям сохранил свой пост еще на протяжении пятнадцати лет», — заключает Рассел.

Гревиль знал, как к нему относится Эмма, и сказать ей прямо о своих намерениях не мог. Поэтому племянник и дядя условились обмануть молодую женщину. В который уже раз она сталкивалась с обманом со стороны благодарных джентльменов! Ей сказали, что Гамильтон приглашает ее и Гревилья погостить в Неаполь, но что вначале туда поедет Эмма в сопровождении своей матери, а затем некоторое время спустя к ней присоединится Гревиль. Эмма отправилась в Неаполь. Сэр Уильям был сама воплощенная доброта и внимание, но его гостя душой оставалась в Лондоне и все время писала Гревилью нежные письма. В конце концов тот в ответном письме посоветовал ей не рассчитывать на него и ориентироваться на сэра Уильяма. Эмма пришла в отчаяние. Ее письма тех дней не оставляют сомнений в искренности ее чувства к Гревилью.

Шло время. Эмма все больше и больше осознавала сложность своего положения. Она твердо решила, что больше не будет доверять джентльменам с хорошими манерами, и написала Гревилью: «Я никогда не буду любовницей Гамильтона. Раз уж вы наносите мне такую горькую обиду и оскорбление, я заставлю его жениться на мне». Ни Эмма, ни Гамильтон не торопили событий. Однако 6 сентября 1791 г., когда сэр Уильям находился в отпуске в Англии, они обвенчались в Мэрплстонской церкви в Лондоне. К тому времени Гамильтону исполнился 61 год, а Эмме — 26.

Семь лет прошли спокойно. Эмма быстро освоила итальянский язык и говорила на нем лучше сэра Уильяма. Она успешно училась пению и драматическому искусству. Вскоре леди Гамильтон стала душой местного общества в Неаполе, безупречной, умной и эффектной хозяйкой в резиденции английского посла. Эмма была принята при неаполитанском дворе, хотя там знали ее историю. И дело вовсе не в том, что этот двор славился распушенностью нравов. «Причина, по которой Каролина нежно улыбалась Эмме Гамильтон, была политического характера, — замечает Рассел. — Неаполь был узвизм с моря, а первой по мощи морской державой являлась Англия. Именно поэтому Каролина опекала леди Гамильтон, а через нее и престарелого шева-

лье, английского посла. По мере того как увеличивалась угроза со стороны Франции, росла и дружба Каролины к Эмме». К моменту появления Нельсона в Неаполе эти отношения были уже привычными и устойчивыми.

В связи с ролью, которую впоследствии сыграла Эмма Гамильтон в судьбе Нельсона, она еще при жизни приобрела широкую известность не только в Англии, но и в некоторых других странах Европы. После описываемых событий прошло более 170 лет. Однако до сих пор не иссякает поток книг, кинофильмов и телестановок, посвященных леди Гамильтон. Одни говорят о ней со злобой и ненавистью, другие — сочувственно и доброжелательно.

Гёте, путешествовавший в 1787 г. по Италии, имел случай увидеть Эмму. Он заметил, в частности, что «леди очень хороша собой». А описание внешности Эммы, данное рафинированной дамой из лондонского общества леди Сент-Джордж (несомненно, смотревшей на Эмму ревнивыми и завистливыми глазами), звучит так: «У нее колоссальная фигура, но, за исключением ног, которые ужасны, она хорошо сложена. Она ширококостна и очень полна. Очертания ее лица прекрасны; то же можно сказать о ее голове и особенно ушах. Ее зубы несколько неровны, но достаточно белы. У нее светло-голубые глаза с коричневым пятнышком на одном из них, что хотя и является дефектом, но не умаляет ее красоты и не делает хуже выражения ее лица. Брови и волосы... черные, внешний вид — грубый. Очертания лица четко выражены, лицо меняющееся и интересное. Ее движения, как правило, не изящны, голос громкий, но не неприятный». В то же время никто не брал под сомнение сильный и живой ум Эммы, и все были согласны с тем, что она была честным человеком в отношениях с близкими и с друзьями. Живя с Гревилем, она любила его. Будучи женой Гамильтона, безупречно выполняла свои обязанности, и сэр Уильям не только не имел к ней претензий, но и гордился хозяйкой своего дома. Никто не оспаривает ни ее жажду знаний, ни способности их усваивать. Единодушно мнение, что она была талантливейшей певицей и прирожденной актрисой. Эмма обладала к тому же огромной жизнерадостностью, энергией и упорством, которые позволили ей добиться достойного положения в обществе. Нельсон восхищался Эммой с первого дня прибытия в Неаполь. «Во всех отношениях, — писал он ей, — от выполнения Вами роли супруги посла и до исполнения обязанностей по домашнему хозяйству я никогда не встречал женщины, равной Вам. Эта элегантность манер, это совершенство и прежде всего доброта сердца ни с чем не сравнимы». До внезапного и рокового увлечения Эммой Гамильтон женщины не играли заметной роли в жизни Нельсона. Во время пребывания в Вест-Индии он женился на Фанни Несбит, которая была старше его и имела сына от первого брака. Холодная, сдержанная, рассудительная Фанни ни в чем не походила на своего порывистого и эмоционального мужа. Отношения между супругами были спокойные и ровные, а морская служба Нельсона часто и надолго разлучала их. Эмма Гамильтон представляла собой полную противоположность Фанни. В то же время многие черты роднили ее с Нельсоном. Очень скоро он почувствовал себя страстно влюбленным и совершенно подпавшим под влияние этой необыкновенной женщины.

Едва Нельсон успел появиться в Неаполе, как начал организовывать выступления неаполитанских войск. У него была директива адмиралтейства защищать Королевство обеих Сицилий. Поэтому его действия в принципе соответствовали поставленным перед ним задачам. Между Неаполем и Веной шла оживленная переписка. Попытались согласовать совместные выступления против французских войск; однако австрийский кабинет действовал осторожно. Из Вены в Неаполь был прислан генерал Мак для того, чтобы возглавить неаполитанскую армию, тот самый Мак, который впоследствии прославился позорной капитуляцией перед Наполеоном в Ульме. Австрийский генерал произвел смотр 30-тысячной армии неаполитанцев и заявил, что это лучшая армия Европы. Нельсон также инспектировал войска и доносил адмиралтейству: «Насколько я разбираюсь в этих вопросах, согласен, что лучшей армии нельзя себе представить». Но в этот момент из Вены была получена депеша (к величайшему огорчению и раздражению Каролины, Фердинанда и Нельсона), в которой австрийцы советовали сохранять спокойствие, говорили, что нужно дать возможность французам напасть первыми, и лишь при таком условии обещали свою помощь.

Это не остановило Нельсона. На военном совете контр-адмирал высказался за немедленное выступление неаполитанской армии. Здесь он произнес, обращаясь к Фердинанду, слова, которые так любят повторять биографы Нельсона: «Вам остается либо идти вперед, доверившись богу и божьему благословению правого дела, и умереть со шпагой в руке, либо быть вышвырнутым из своих владений». 22 ноября неаполитанское правительство предъявило французам требование эвакуировать Папскую область и Мальту. Генерал Мак и король Фердинанд выступили во главе армии на Рим с развевающимися знаменами под марши оркестров. Одновременно Нельсон на своих кораблях перевез и высадил в Ливорно 4 тыс. пехотинцев и 600 кавалеристов. Эта диверсия должна была облегчить общее наступление. 15 тыс. французов отступили перед 30 тыс. неаполитанцев, и Фердинанд торжественно въехал в Рим.

Но вскоре французы перешли в контрнаступление. «Лучшая армия Европы» практически не оказала им никакого сопротивления. Неаполитанские солдаты бросали оружие и, переодевшись в штатское платье, бежали к Неаполю. Это повальное и стихийное бегство возглавлял сам Фердинанд. В Неаполе под воздействием поражения стали бурно распространяться республиканско-либеральные настроения. Нельсон понял, что это катастрофа. Спасение он видел только в немедленном выступлении австрийцев. «Я надеюсь, — писал Нельсон, — что император выступит в поддержку этой страны. Ее офицеры, непривычные к войне, приходили в состояние тревоги при виде вынутой из ножен шпаги или заряженного ружья. Многие из них — герои мирного времени, — как утверждают, убежали, оказавшись вблизи противника». Нельсон убеждал английского посланника в Вене нажать на императора, чтобы тот спас Неаполитанское королевство. «Затяжка с началом войны, — писал он посланнику, — приведет к уничтожению монархии в Неаполе и, конечно, к ликвидации недавно приобретенных владений императора в Италии... Через шесть месяцев будет организована Неаполитанская республика, .. и тогда, даю голову на отсечение, император не только потерпит поражение в Италии, но зашатается и его трон в Вене. Везде будет республика, если император не выступит срочно и решительно». Император не выступил. И Нельсону пришлось спасать королевскую семью.

Английский контр-адмирал был немало повинен в катастрофе, которой закончилось выступление неаполитанцев. Он не обладал соответствующими познаниями и опытом ведения сухопутных операций и в то же время решительно требовал выступления неаполитанской армии. Если бы не его подстрекательство, Фердинанд дождался бы совместных действий с австрийцами. И уж наверняка он поступил бы таким образом, если бы Нельсон предостерег его. Конечно, виноват и генерал Мак. Но, как свидетельствует история, от этого генерала никогда не следовало ожидать чего-либо путного. Между прочим, Нельсон не смог верно оценить и Мака и после нескольких встреч с ним писал: «Мак активен, у него интеллигентный взгляд на вещи, и я не сомневаюсь, что у него все пойдет хорошо».

На всякий случай Нельсон еще в начале октября предупреждал Эмму, что английская колония в Неаполе должна быть готова к эвакуации в любой момент. Сэр Уильям воспользовался любезностью контр-адмирала, предоставившего ему возможность на корабле «Какосус» отправить в Англию свои наиболее ценные вазы и картины. Когда 14 декабря Фердинанд бесславно возвратился в Неаполь, оказалось, что такая предусмотрительность не была напрасной. Теперь главной заботой Нельсона и Гамильтонов стала эвакуация королевского семейства. Это нужно было сделать тайно, ибо неаполитанцы могли расправиться с монархом, увидев, что он бросает их на произвол судьбы, и срочно — до того, как французы займут Неаполь. Ведь они могли поступить (как полагали неаполитанские Бурбоны) с Фердинандом и королевой так, как поступили с ее сестрой и Людовиком XVI в Париже за шесть лет до того. Начиная с 15 декабря под покровом ночи и в глубокой тайне Каролина переправляла в палатцу Сесса к Эмме бочонки, ящики и корзины. То были королевские сокровища — золото, бриллианты и другие драгоценности, оценивавшиеся примерно в 2,5 млн. ф. стерлингов. От Эммы моряки и морские пехотинцы доставляли это имущество на флагманский корабль (на ушаковке стояла надпись «Припасы для Нельсона»). Королевскую семью привез на корабль сам Нельсон, который проник во дворец через подземный ход и этим же путем

ночью вывел беглецов на пристань, где их ожидали лодки с вооруженными матросами. Королевское семейство и самые близкие лица из его окружения были благополучно доставлены на борт «Вангарда». На корабле сразу же стало тесно. Обстановка была мрачная, к тому же начался шторм, и судно вертелось под ударами ветра на одном якоре.

23 декабря «Вангард» в сопровождении нескольких судов вышел из Неаполя и взял курс на Сицилию, которая входила в состав Неаполитанского королевства. Там под защитой английского флота беглый монарх мог считать себя в безопасности. Переход был трудным. Нельсон говорил, что он не припомнит такого тяжелого плавания. Пассажиры с трепетом ожидали своего конца среди бушевавших волн. Лишь Эмма держалась твердо, заботясь о королевской чете и о младшем больном принце (ребенок скончался у нее на руках). Когда «Вангард» прибыл в Палермо, этот город временно стал резиденцией короля. Через месяц французские войска заняли Неаполь и в январе 1799 г. провозгласили там Партенопейскую республику.

Нельсон жил в Палермо вместе с Гамильтонами в течение четырех с половиной месяцев. Контр-адмирал очень много работал. Ему приходилось решать все вопросы, связанные с действиями 16 линейных кораблей и перемещениями многочисленных английских торговых судов, вести интенсивную переписку с Петербургом, Константинополем, с консулом в Смирне, с Египтом, с русскими и турецкими адмиралами, с английскими представителями в Триесте, Вене, Тоскане, на Майорке, с адмиралом Сент-Вицентом и главой адмиралтейства лордом Спенсером. В те времена не существовало секретарского, референтского и машинописного аппарата, и для имевшего только левую руку Нельсона это была тяжелая нагрузка даже с технической точки зрения. Главное, однако, заключалось в том, что по всем проблемам, затрагивавшимся в переписке, нужно было формулировать веские соображения, принимать важные решения и нести за них ответственность.

По мере активизации весной 1799 г. русских и австрийских действий против Франции увеличилась дипломатическая и военная активность на Средиземном море. Позиции Франции здесь становились все слабее. Вторая коалиция значительно активизировала свою деятельность. Вскоре Мальта восстала против Франции. Англичане поддержали восстание, снабдив мальтийцев оружием. Французский гарнизон был блокирован в крепости Ла-Валетта, а военные корабли заперты в гавани. В сентябре русская и турецкая эскадры вошли в Средиземное море, и адмирал Ф. Ф. Ушаков начал выбивать французов с Ионических островов. Английские корабли и сухопутные силы атаковали и заняли испанский остров Менорку — один из двух основных Балеарских островов, принадлежавших Испании (союзнице Франции). В Египте оказалась прочно блокированной армия Бонапарта. Спасти ее и вернуть во Францию было явно не под силу даже объединенным флотам Франции и Испании.

Английское правительство понимало, что Абукир, какое бы серьезное поражение ни потерпели там французы, не является окончательным решением англо-французского спора из-за господства на морях вообще, на Средиземном в частности. Предстояли новые схватки, и в Англии готовились к ним со всей энергией. Пострадавшие в бою корабли были отремонтированы и приведены в боевую готовность, строились новые суда. В начале 1799 г. Англия имела в строю 105 линейных кораблей и 469 судов меньших размеров. Флот расположился вокруг европейского побережья таким образом, чтобы блокировать порты Франции и Испании и чтобы в случае необходимости одна эскадра могла оказать помощь другой. Адмирал Дункан в сотрудничестве с русской эскадрой адмирала Макарова действовал на Балтике и в Северном море. Лорд Бриджпорт караулил французский флот в Бресте. Английские корабли стояли и против Кадиса, блокируя там испанский флот.

Французы решили попытаться использовать свой и испанский флоты, чтобы изменить положение. В мае 1799 г. французская эскадра под флагом адмирала Брюна ушла из Бреста. Английские корабли упустили ее: лишнее свидетельство ненадежности блокады. Французы прошли через Гибралтар (этого уж никак нельзя было сделать скрытно от англичан) и с эскадрой в 25 кораблей вошли в Средиземное море. Английские командиры мгновенно активизировались. Следовало принимать меры в связи с изменившейся ситуацией, но какие? Опять встал трудный вопрос: куда ри-

нется французская эскадра? Английский адмирал Кейт, блокировавший Кадис, пустился вслед за нею. Испанский флот из 17 кораблей, оказавшись свободным, тотчас вышел в Средиземное море. Сидевший на берегу в Гибралтаре больной Сент-Винцент сконцентрировал в Порт-Магоне на Менорке корабли Кейта и Дакворта под своим командованием. Вскоре прибыли подкрепления из Англии. Дали знать Нельсону, что испанский и французский флоты находятся в Средиземном море. Нельсон собрал свои суда, какие смог, и в его распоряжении оказалось 16 линейных кораблей, из них 3 португальских, о боевых качествах которых он имел весьма скептическое мнение. Английские адмиралы решили, что франко-испанский флот пойдет на выручку к Бонапарту в Египет. Поэтому Нельсон вывел свои суда на параллель маленького острова Маритимо, находящегося западнее Сицилии. Тем самым узкий проход из западной части Средиземного моря в восточную был перекрыт.

Противник, однако, не пошел к Египту. Испанцев серьезно потрепал шторм, и они укрылись в Картахене, откуда затем так и не высунулись. Французский адмирал Брюи отправился из Картахены в Геную и доставил оборонявшемуся там корпусу генерала Моро огромный конвой торговых судов с хлебом. А в это время Нельсон напрасно поджидал Брюи у Маритимо. Адмирал Кейт поплыл к Тулону, но там противника не оказалось. Французский же адмирал теперь был озабочен лишь тем, чтобы выйти из Картахены вместе с испанскими кораблями и благополучно привести соединенный флот в Брест, где испанские корабли остались бы как залог не очень прочного франко-испанского союза. Пока английские адмиралы бросались наугад из стороны в сторону, Брюи вывел объединенный флот из Картахены в Атлантический океан. Кейт погнался за ним, но безуспешно. 13 июля 1799 г. соединенный испано-французский флот укрылся в Бресте. Обстановка на Средиземном море разрядилась в пользу английских эскадр, и Нельсон вернулся в Палермо, к неаполитанскому двору.

Нельзя сказать, что он был абсолютно слеп и не видел того, что происходило при королевском дворе. Нельсон писал в то время: «Что касается политики, то она вызывает у меня отвращение. Эти министры короля и эти князья — величайшие негодяи, каких когда-либо видел свет». Тем не менее все помыслы Нельсона были направлены на то, чтобы восстановить власть этой клики в Королевстве обеих Сицилий.

Большим ударом для Нельсона было полученное в июне известие о том, что адмирал Сент-Винцент по состоянию здоровья покидает главное командование эскадрами Средиземного моря. Старый адмирал хорошо знал Нельсона, относился к нему с симпатией, многое прощал талантливому офицеру. Нельсон пишет Сент-Винценту пламенные письма, убеждая остаться. Вместе с тем он надеется, что преемником уходящего сделает его, Нельсона, боевого контр-адмирала, героя Абукира, слава которого гремит по всей Европе. Но когда 23 июня Сент-Винцент отбыл в Англию, главнокомандующим был назначен лорд Кейт — никому не известный, за которым и побед-то никаких не числилось. Нельсон получил сильный удар по самолюбию и тут же проникся тяжкой ненавистью к новому начальнику.

Злоба и ненависть — плохие советчики. Опыт Нельсона лишний раз подтверждает эту старую истину. Контр-адмирал, столь ценивший дисциплину и порядок в военно-морском деле, сам допустил в ряде случаев грубую недисциплинированность, прямое неповиновение приказам непосредственного начальника. Первый такой случай произошел еще в июне, когда продолжалась игра в кошки-мышки с французским флотом. Кейт, не зная, где находятся французы (а они в то время были в безопасности в Картахене), решил сконцентрировать максимальные английские силы у Менорки. Поэтому Нельсон получил предписание послать (если в непосредственной близости к нему не окажется французской эскадры) часть своих кораблей в распоряжение главнокомандующего. Силы Нельсона были связаны операциями против французов и неаполитанских республиканцев на Апеннинском полуострове, и под этим предлогом он не выполнил указания адмирала Кейта. Нельсон отлично понимал, что его проступок недопустим для военного. Поэтому, чтобы застраховаться, он пишет первому лорду адмиралтейства: «Более, чем когда-либо, я убежден, что в данный момент не могу расстаться ни с одним кораблем. Я не могу это сделать хотя бы потому, что по 120 человек с каждого корабля взяты для осады Капуа. Я полностью

осознаю совершенный мною поступок и, будучи убежден в своих лояльных намерениях, готов принять любую участь, которая меня ждет в связи с моим неповиновением». Герцогу Кларенсу, с которым он был дружен по совместной службе в годы молодости в Карибском море, Нельсон писал, что «хотя военный трибунал может признать меня преступником, весь мир одобрит мое поведение». Это непослушание осталось без последствий. Битвы с французским флотом не произошло, и Кейт обошелся без кораблей Нельсона. Но если бы ему пришлось встретиться с объединенным франко-испанским флотом, то действия Нельсона оказались бы на руку противнику.

9 июля Кейт отдал новое распоряжение Нельсону. Он уже знал, что корабли французов и испанцев ушли из Картахены на запад, и полагал, что, возможно, они идут в атлантические порты Испании; поэтому их придется преследовать. В этих условиях большая часть кораблей Нельсона должна была прийти к Менорке для защиты этого острова. Самому Нельсону или его старшему офицеру надлежало привести туда корабли. Официальный приказ Кейт сопроводил личным письмом, в котором разъяснял, что Менорку нельзя оставлять без охраны, ибо, пока он будет преследовать объединенный флот противника, испанцы могут высадиться на острове и захватить его. Приказ был четким и определенным. Личное письмо должно было польстить самолюбию Нельсона. Кейт, безусловно, держался тактично в отношении Нельсона, особенно если учесть недавний случай неповиновения со стороны последнего.

Но Нельсон закусил удила. Он ответил полным отказом выполнить приказ главнокомандующего, и опять под прежним предлогом — в связи с тем, что часть моряков и морских пехотинцев занята в сухопутных операциях. «Нельсон вел себя возмутительно», — замечает адмирал Джеймс. Этот симпатизирующий Нельсону автор справедливо пишет, что не его дело было решать, какая операция важнее на данном этапе — защита Менорки или очищение территории Неаполитанского королевства от французов и республиканцев; ведь принятие такого решения — право и обязанность главнокомандующего. Самонадеянный Нельсон, сгибавшийся под бременем абукирской славы, играл с огнем. Если бы Менорка подверглась нападению испанцев, ему не миновать бы военного трибунала. Могло произойти и другое. Кейт мог (для этого у него было вполне достаточно власти) просто отдать приказ Нельсону спустить свой флаг и отправиться в распоряжение адмиралтейства. В обоих случаях карьера контр-адмирала почти наверняка была бы закончена.

Понимая опасный характер своего поведения, Нельсон опять обращается с объяснениями в адмиралтейство. Там сидели люди, достаточно трезво оценивавшие общую обстановку на Средиземном море. Лорды адмиралтейства ответили письмом, в котором порицали действия Нельсона. Они одобряли использование кораблей и морских пехотинцев для восстановления королевской власти в Неаполе и в то же время решительно осуждали высадку больших десантов для ведения сухопутных операций, так как это значительно ослабляло эскадру в момент, когда французский флот находился неподалеку. Нельсону указали, что он поступил неправильно, удерживая всю эскадру для придания бодрости сторонникам короля на материке. И тем более он был неправ, не выполнив приказа Кейта и оставив Менорку незащищенной от возможного нападения. «Но, — пишет Джеймс, — уверенность Нельсона в себе не была поколеблена, и он не смог найти никакого изъяна в своих решениях».

Трудной проблемой для Нельсона были взаимоотношения с русским союзником Англии на Средиземном море. В основе этого союза лежали не симпатии и антипатии тех или иных деятелей, а интересы обеих стран, как они понимались тогда их правящими кругами. Революция дала возможность французской буржуазии развить экспансию в масштабах, дотоле неизвестных во внешней политике Франции. Эта экспансия уже распространилась на Западную, Центральную и Южную Европу. Главное же направление было взято на Средиземное море, прежде всего на его восточную часть, и Ближний Восток. Строились планы и предпринимались акции по их реализации, направленные на прямой захват территории в этом районе, на овладение рынками, на энергичное продвижение французского влияния на восток. Создалась угроза Турции, Балканам. В Петербурге опасались (для чего имелись известные основания) за Крым и причерноморские области

России. Во всех этих сферах французской экспансией затрагивались российские интересы. Поэтому правительству Павла I не удалось вернуться к проводившейся в 60-х—80-х годах XVIII в. позиции нейтралитета, которую Россия порой занимала ранее в англо-французской борьбе за мировое господство.

Окрепшая французская буржуазия стала опасным соперником Англии в борьбе за морскую и торговую монополию. Лондон боялся за свои позиции и в Европе, и на Средиземном море, и на Ближнем Востоке, и в обеих Индиях — Западной и Восточной. Необходимость противодействия общему врагу побудила тогда Россию и Англию вступить в антифранцузскую коалицию. Официальный союз был заключен в январе 1799 года. Одновременно установились союзные отношения с Турцией, что было довольно неожиданно, если учесть долговременные трудные отношения между Россией и Турцией, нередко сопровождавшиеся войнами. Турки настолько остро чувствовали французскую опасность (для них она была еще более реальной, чем для России), что не только пошли на союз с Россией, но и видели в ней тогда своего главного покровителя и охранителя. Несколько раньше был подписан договор России с Неаполем, по которому российское правительство обязалось предоставить Неаполю вспомогательные войска для действий против Франции. Тогда же были заключены союзные договоры между Неаполем и Англией, Неаполем и Турцией. Вся эта дипломатическая активность вокруг Неаполя объяснялась тем, что небольшое и неслившее Королевство обеих Сицилий являлось в то время объектом острейшей борьбы между Францией и противостоявшей ей коалицией.

Военное сотрудничество между Россией и Турцией началось еще до заключения официального союза. Когда 4 сентября 1798 г. русская эскадра Ф. Ф. Ушакова прошла через проливы в Средиземное море, под его командование была отдана турецкая эскадра, которая численно была больше русской, но значительно уступала ей как боевая сила. Вход русских кораблей в зону, где до этого действовал Нельсон, сразу же поставил вопрос о согласовании планов и координации действий двух союзных эскадр.

Англия всегда являлась трудным союзником для тех, кто объединялся с ней в совместной борьбе против общего противника. Она неизменно стремилась переложить на своих партнеров основную тяжесть борьбы, максимално сохраняя свои силы; всегда хотела полностью распоряжаться в таком союзе, продвигая прежде всего свои интересы и игнорируя интересы союзников. А там, где это было можно, Англия воздействовала на стратегию союзников таким образом, чтобы лишить ее самостоятельного направления и поставить во вспомогательное положение по отношению к английским целям и замыслам. Действуя таким образом, Лондон неизменно демонстрировал отсутствие взаимности, принципа равноправия и справедливого учета интересов всех сторон союзных отношений.

Е. В. Тарле в интересной работе об адмирале Ф. Ф. Ушакове писал: «Когда все эти разнообразные мотивы обусловили участие России во Второй коалиции, оказалось, что два других главнейших партнера в затеваемой тяжелой борьбе — Австрия и Англия — не только относятся неискренне, но уже наперед держат против нее камень за пазухой... Английский кабинет во главе с Уильямом Питтом-младшим, конечно, жаждал, чтобы на помощь англичанам как можно скорее пришли русские эскадры в Средиземное и Северное моря. Но австрийцы и англичане боялись русских, не доверяли им, завидовали их успехам, хотя по существу эти успехи шли на пользу общему делу. А главное — эти союзники мечтали уже наперед не только о победе над французами при помощи русских, но и о том, чтобы сами-то русские не очень задерживались на тех местах, где эти победы произойдут. Это почувствовал на севере Италии и в Швейцарии Суворов. Сразу это понял и действовавший на Ионических островах и на юге Италии Федор Федорович Ушаков, и он вовремя сумел пригрозиться к скрытым ударам и парировать их».

В этом плане взаимоотношения Нельсона и Ушакова, в свою очередь, являются убедительной иллюстрацией английских союзнических традиций. Экспансивный же характер Нельсона сделал эту иллюстрацию особенно яркой. Нельсон намерен был отвести эскадре Ушакова преимущественно вспомогательную роль в операциях, которые сам вел в восточной части Средиземного моря. Ему хотелось переложить на

русскую эскадру основную часть забот по блокаде армии Бонапарта в Египте. Кроме того, Нельсон хотел получить от Ушакова помощь при освобождении Южной Италии от французов и республиканцев. Этим должны были ограничиться функции русских военно-морских сил в Средиземном море. По их исполнению русским следовало, по замыслу Нельсона, незамедлительно возвратиться в Черное море. Этот план преследовал три цели. Во-первых, он предусматривал в конечном счете продолжение «закупорки» русского флота в Черном море и устранение его из Средиземного моря, которое надлежало предварительно завоевать соединенными силами, чтобы оно стало «английским озером». Во-вторых, имелось в виду лишить русский флот возможности осуществлять операции самостоятельного стратегического характера. В-третьих, Нельсон стремился не допустить решения русским флотом задач, в которых был непосредственно заинтересован Петербург. К их числу относилось освобождение Ионических островов от французов русскими силами, следствием чего явилось бы преграждение французской экспансии в сторону Балкан и Южной России. К этим задачам относилось и менее существенное для национальных интересов России, но важное в личном плане для императора Павла I решение вопроса о статусе Мальты. Павел I был гроссмейстером ордена Мальтийских рыцарей, правивших островом. Захват Мальты Бонапартом в 1798 г. сильно задел российского императора, а освобождение Мальты эскадрой Ушакова повлекло бы за собой водружение российского флага над островом. Для Англии и, следовательно, для Нельсона представлялась крайне невыгодной реализация этих двух задач эскадрой Ушакова, ибо Россия заняла бы прочные позиции на выходе в открытые моря.

Хотя с точки зрения непосредственных российских интересов кораблям Ушакова делать у Египта было нечего, но союз есть союз, и дело чести — добросовестная помощь союзнику. Поэтому русский адмирал изъявил и английскому посланнику в Константинополе и в письме к Нельсону свою полную готовность участвовать в блокаде Египта. Ушаков имел в виду выделить из своей эскадры фрегаты и канонерки для блокады и одновременно использовать линейные корабли для занятия Ионических островов. Такое ослабление эскадры могло сказаться отрицательно в боях за острова, но тут уж ничего не поделаешь. Нельсона же это совсем не устраивало. Он желал, чтобы все русские корабли действовали у Египта, а Ионические острова собирался занять сам, как только у него найдутся для того силы. В декабре 1798 г. Нельсон упрекает Ушакова: «Только что прибыл из Александрии английский фрегат, и я вижу с истинным сожалением, что еще 26 ноября не прибыла никакая эскадра, чтобы помочь капитану Гуду, который давно нуждался в продовольствии и подкреплении. Появились всего лишь один или два фрегата и десять канонерок, тогда как, конечно, должно было послать не меньше, чем три линейных корабля и четыре фрегата с канонерками и мортирными судами. Египет — первая цель, Корфу — второстепенная». В последней фразе — суть концепции Нельсона: русские силы должны быть направлены к Египту, но отнюдь не должны использоваться в районе Ионических островов.

Ионические острова раскинуты цепочкой вблизи побережья Греции (тогда — владение Турции). Они контролируют один из доступов в Средиземное море и являются плацдармом для действий как в сторону Балкан, так и в направлении Южной Италии. Самым крупным и значительным в военном отношении был остров Корфу, для укрепления которого французы приложили много усилий. Жители острова справедливо рассматривали французов как иноземных захватчиков. Это облегчало задачу русских моряков. Осенью 1798 г. корабли Ушакова выбили французские силы со всех основных островов, за исключением Корфу. Затем эскадра блокировала этот остров и 1—3 марта 1799 г. взяла его штурмом. То была невиданная операция, когда военно-морские силы овладели мощной, хорошо защищенной крепостью на суше. Итак, задача по овладению Ионическими островами была решена. Затем их жители усилиями Ушакова получили весьма демократическую по тем временам конституцию.

Нельсон был хорошим военным моряком, но слабым политиком. В этом Ушаков оказался сильнее его. Русский адмирал понимал, чего добивается Нельсон и какими категориями тот мыслит. Об этом свидетельствует письмо Ушакова от 5 марта 1799 г. русскому посланнику в Константинополе В. С. Томаре после взятия Корфу: «Требования английских начальников морскими силами в напрасные развлечении

нашей эскадры я почитаю за не иное, что они малую дружбу к нам показывают, желая нас от всех настоящих дел отстранить и, просто сказать, заставить ловить мух, а чтобы они вместо того вступили на те места, от которых нас отделить стараются. Корфу всегда им была приятна; себя они к ней прочили, а нас разными и напрасными видами без нужд хотели отделить... Однако... Корфу нами взята». Далее русский адмирал замечает, что англичане к нему «требования делают напрасные и сами по себе намерение их противу нас обличают. После взятия Корфу зависть их к нам еще умножится...».

Простить Ушакову такой трезвости Нельсон не мог. «Нельсон, к большой досаде для своего самолюбия, — пишет де Гревье, французский исследователь военноморской истории, — видел, что русские менее послушны его внушениям, чем португальцы, и всем сердцем желал отдалить их... Однако же ему нужно было решиться терпеть русских на Ионических островах...». Контр-адмирал занялся межсоюзническими интригами. Когда уполномоченный великого визиря Келим-эффенди прибыл с наградами от султана в Неаполь к Нельсону, тот в беседах с ним пытался возбудить недоверие турок к русским. По мере того, как определялось намерение Ушакова не во всем следовать пожеланиям Нельсона, последний отбрасывал всякую сдержанность в выражениях даже в официальной переписке. В январе 1799 г. он пишет капитану Боллу, командовавшему блокадой Мальты: «Нам тут донесли, что русский корабль нанес вам визит, привезя прокламации, обращенные к жителям острова. Я ненавижу русских, и если этот корабль пришел от их адмирала с о. Корфу, то адмирал — негодяй». Почти все современные биографы Нельсона упоминают о его неприязненном отношении к русским и лично к Ушакову.

Действия кораблей Нельсона и Ушакова являлись составной частью тех усилий Второй коалиции, которая в 1799 г. развернула наступление на французские позиции во многих местах. Участники коалиции имели в виду нанести Франции главный удар в Италии, Швейцарии и Голландии. В Италии действовали под командованием А. В. Суворова русские и австрийские войска. Старый русский полководец намеревался развернуть вначале военные действия в Ломбардии и Пьемонте, изгнать французов из Северной Италии и затем вторжением во Францию победоносно закончить войну. В апреле — мае 1799 г. Суворов одержал ряд крупных побед над французами в Северной Италии. Однако развить успех в намечавшемся направлении не удалось, ибо действовавшие под командованием Суворова австрийцы не поддержали его планов, они предпочли заняться еще не взятыми крепостями в Северной Италии, распылили союзные силы и помешали успешной реализации суворовского замысла. Активные военные действия коалиции и успехи Суворова в Северной Италии заставили французские войска в Неаполе под командованием генерала Макдональда уйти на север. Это ослабило позиции республиканцев в Неаполе.

Как раз летом 1799 г. корабли Ушакова, закончив операции в районе Ионических островов, подошли к побережью Южной Италии и высадкой десанта на территории Неаполитанского королевства поддержали действия Суворова и союзников. В то время на юге Италии активно действовали отряды под руководством кардинала Руффо, наместника короля Фердинанда. Корабли Нельсона и его морские пехотинцы сотрудничали с ними и вели операции на суше, но без особого успеха. Успех пришел лишь после того, как на севере Италии развернули наступление войска Суворова, а на юге — отряды с кораблей Ушакова. Последними командовали капитаны 2-го ранга А. А. Сорокин и Г. Г. Белли. 24 июня неаполитанский министр Мишеру, прикомандированный к отряду Белли, сообщал Ушакову: «Я написал Вашему Превосходительству несколько писем, чтобы уведомить Вас о наших успехах. Они были чудесными и быстрыми до такой степени, что в течение 20 дней небольшой русский отряд возвратил моему государю две трети королевства».

В июне русский отряд и отряды Руффо подошли к Неаполю. По предложению русского командира кардиналом Руффо было заключено перемирие с французами и с республиканцами, укрепившимися в крепости Каstellамаре и в замках Каstellо д'Ово и Каstellо Нуово. Под документом об условиях капитуляции французов и республиканцев поставили свои подписи союзные командиры на месте — русский, английский и турецкий. Условия перемирия предотвращали дальнейшее кровопроли-

тие и обеспечивали одну из целей союзников — восстановление власти короля Фердинанда в Неаполе. Гарнизонам замков предоставлялась возможность выйти из укреплений с воинскими почестями и затем сесть на суда, которые отвезли бы их во Францию. Гарантировалась неприкосновенность личности и имущества республиканцев, остающихся в Неаполе, а на них самих и членов их семей распространялась амнистия. Республиканцы не доверяли кардиналу Руффо, зарекомендовавшему себя расправами над теми, кто выступал против королевской власти, и потребовали, чтобы условия капитуляции скрепил своей подписью английский капитан Фут, представлявший контр-адмирала Нельсона. Фут был уполномочен выполнить это желание. Перемирие вступило в силу, военные действия прекратились, и был произведен обмен пленными. На замках и на английском фрегате «Сихорс», где находился капитан Фут, развевались флаги перемирия.

Нельсон в это время рвался из Палермо в Неаполь. К его несчастью, французский флот был в море, и адмирал Кейт настаивал, чтобы Нельсон исходил прежде всего из необходимости борьбы против флота; а неаполитанские дела, как резонно заключал английский главнокомандующий, можно будет решить позже. Королева Каролина и Эмма Гамильтон употребляли различные уловки, чтобы заставить Нельсона вернуться вместе с ними в Неаполь. «Любезный лорд,— писала Эмма Нельсону 12 июня,— я провела вечер у королевы. Она очень несчастна. Она говорит, что народ неаполитанский вполне предан королю, но что только одна эскадра Нельсона может восстановить в Неаполе спокойствие и покорность законной власти. Вследствие того королева просит, умоляет, заклинает Вас, любезный лорд, если только возможно, отправиться в Неаполь. Ради бога, подумайте об этом и сделайте то, что просит королева. Если Вы позволите, мы отправимся вместе с Вами. Сэр Уильям нездоров, я также чувствую себя дурно, и это путешествие будет нам полезно. Да благословит Вас бог!».

Нельсон мечется. На следующий день он сажает на свои корабли королевские войска, чтобы плыть в Неаполь. В этот момент ему вручают письмо от адмирала Кейта. Главнокомандующий сообщает, что, по его данным, французский флот сейчас может находиться у берегов Италии. Нельсону пришлось возвратиться в Палермо, высадить неаполитанские войска и поспешить к острову Маритимо. Но уже 21 июня, решив, что Кейт без него справится с французским флотом, Нельсон вновь появился в Палермо, взял на борт своего судна «Фоудройант» чету Гамильтонов и с 18 кораблями направился к Неаполитанскому заливу. Здесь он узнал о перемирии, подписанном в Неаполе представителями неаполитанского короля, Англии, России и Турции с французами и неаполитанцами-республиканцами, и пришел в бешенство. Как, с французами, этими «гнусными безбожниками», «порочными чудовищами», «подлыми тварями», «негодяями», а также с мятежниками, которые в глазах Нельсона и того хуже, заключено почетное перемирие? Он этого не потерпит и немедленно ликвидирует соглашение. Нельсон мог по своему усмотрению наказать капитана Фута, но аннулировать перемирие не имел права. Однако у него была такая сила, как флот, и он использовал ее со злобной мстительностью и произволом, которые вот уже почти два столетия вызывают осуждение.

Нельсон объявил, что не принимает подписанной капитуляции. Даже каратель Руффо возмущался таким вероломством и попытался отговорить английского адмирала от необдуманного шага. Ничего не подозревавшие французы и республиканцы между тем вышли из замков, сложили оружие на набережной, а кое-кто из них успел даже сесть на суда, отходившие в Тулон. В этот момент все они были арестованы по приказу Нельсона, и неаполитанские монархисты начали расправу над беззащитными людьми. Последовала чудовищная кровавая оргия. Захваченных пленников рвали на части, сжигали на площадях, вешали, расстреливали. Людей истребляли, как диких зверей, без суда и следствия. Вскоре капитан Трубридж написал Нельсону, что до 40 тысяч семейств оплакивают родственников, погибших или заключенных в темницу. Имущество тех, кого уничтожали, за бесценок скупалось королевскими агентами.

Одним из самых позорных эпизодов в событиях тех дней было дело неаполитанского адмирала князя Ф. Караччиоло. Этот неаполитанский аристократ, несколько десятилетий служивший во флоте, в период существования Партенопейской республики

согласился командовать ее мизерными морскими силами. Когда вернулся Нельсон и начался террор, 70-летний Караччиоло скрывался в горах. За голову князя была объявлена награда, и среди слуг нашелся один, кто выдал его. 29 июня Караччиоло был доставлен на английский линейный корабль «Фоудройант», где находились Нельсон и Гамильтон. Нельсон распорядился судить пленника. Был срочно собран военно-полевой суд из монархистов-неаполитанцев. Приговор гласил: смертная казнь через повешение. Нельсон распорядился повесить старика на рее стоявшего рядом неаполитанского фрегата. Караччиоло попросил Нельсона рассмотреть его дело еще раз. Тот отказал. Караччиоло попросил, чтобы его расстреляли, но не казнили позорной смертью. Нельсон снова отказал. И Караччиоло повесили в тот же день на рее фрегата «Минерва», стоявшего под наведенными на него пушками «Фоудройанта». Тело казненного провисело на матче до захода солнца, затем веревку обрезают, и труп поглощают воды залива. Дневник Нельсона за этот день спокойно вещал о событиях, среди которых как бы и не было ничего волнующего: «Суббота, 29 июня. Ветер тихий. Облачно. На рейд пришли португальский корабль «Рунья» и бриг «Баллон». Созван военный суд на неаполитанском фрегате «Минерва». Судим, осужден и повешен Франческо Караччиоло».

Из Палермо Нельсон писал герцогу Кларенсу: «Все мои предложения принимаются с усердием, и немедленно отдаются приказания, чтобы поступали сообразно с ними... Недавно его величество приказал отдать под суд двух генералов, обвиненных в измене и трусости. Он предписал их расстрелять или повесить, как только признают, что они виновны. Если эти приказания исполнят, то я буду надеяться, что принес здесь некоторую пользу, потому что не перестаю убеждать всех в том, что единственная основа всякого благоустроенного правительства есть искусство умело награждать и наказывать». Вот «философское» обоснование действий Нельсона, данное им самим. Адмирал Джексон приводит случай, когда правая рука и любимец Нельсона капитан Трубридж «после одного дела получил в подарок голову якобинца. Он извинился перед Нельсоном, что не переслал подарок ему: стояла очень жаркая погода». Капитану Футу, стоявшему у Неаполя, Нельсон в ответ на полученное донесение писал: «Ваше сообщение о повешении тринадцати якобинцев доставило нам огромное удовольствие».

Возмущение зверствами, чинимыми английской эскадрой и неаполитанской реакцией, прокатилось через всю Европу и достигло Англии. Лидер оппозиции Фокс указал парламенту на эти злоупотребления властью. Вот что Нельсон написал в свое оправдание: «Я предложил кардиналу Руффо передать французам и мятежникам от моего и своего имени, что перемирие прервано уже одним тем, что перед Неаполем находится английский флот, и что французам не будут считать даже военнопленными, что касается мятежников и изменников, то никакая власть не вправе посредничать между ними и их милостивым монархом, и они должны совершенно положиться на его милосердие, ибо никаких других условий им даровать нельзя. Кардинал отказался скрепить эту декларацию своим именем, и я, подписав ее один, отослал к мятежникам. Только после этого они вышли из своих фортов, как надлежало мятежникам и как надлежит поступать, надеюсь, всем, кто изменяет своему королю и своему отечеству, — чтобы быть повешенными или наказанными иначе, по усмотрению их государя».

Даже благосклонные биографы Нельсона не могут обойти молчанием эти страницы его жизни, получившие позорную известность. Чтобы хоть как-то оправдать своего героя, они обычно делают вывод, что проявленная в Неаполе жестокость в принципе не характерна для Нельсона, не присуща его личности. Истина же, на наш взгляд, состоит в том, что такое отношение к врагам монархии было свойственно не только Нельсону, но и английской официальной политике вообще. Для правящих кругов Англии представители восставшего народа — это люди, стоящие вне закона, в отношении которых нормы международного права и человеческой морали не должны применяться. Здесь-то и заложено объяснение того, как обращались Нельсон и его капитаны с противником. Подтверждением того, что действия Нельсона в Неаполе летом 1799 г. являлись нормой для любого английского командующего в подобной ситуации, может служить оценка его поведения лордами адмиралтейства. Первый лорд

писал Нельсону: «Намерения и мотивы, из которых исходили все Ваши меры, были чистыми и добрыми, а их успех был полным».

Начальник русского отряда в Неаполе Г. Г. Белли пытался противодействовать вероломству Нельсона и отстаивал необходимость выполнения данного слова. Однако сила была на стороне английской эскадры. Сохранилось письмо неаполитанского королевского представителя при русском отряде Мишеру. Вот что он писал о действиях русских матросов и солдат: «Конечно, не было другого примера подобного события: одни лишь русские войска могли совершить такое чудо. Какая храбрость! Какая дисциплина! Какие кроткие и любезные нравы! Здесь боготворят их, и память о русских останется в нашем отечестве на вечные времена». В январе 1800 г. корабли Ушакова ушли из Италии, вначале на Корфу, а через некоторое время вернулись в Черное море.

Восстановление королевской власти в Неаполе было завершено. Нельсон по этому поводу заявил, что Неаполь освобожден от «воров и убийц». 1 августа 1799 г. начались торжества и фейерверки. Фердинанд в знак благодарности наградил Нельсона титулом герцога Бронте. Титулу было придано огромное поместье в Сицилии, приносящее Нельсону 3 тыс. ф. ст. дохода ежегодно. С этого момента он подписывался так: Нельсон и Бронте. Английское правительство дало согласие на принятие награды. Подобное согласие давалось не всегда. Известно, например, что королева Елизавета I, увидев на одном из своих дипломатов иностранный орден, воскликнула: «Мои псы должны носить только мои ошейники, и никаких других!».

Во второй половине 1799 и в начале 1800 г. Нельсон разрывался между Палермо и Мальтой. Французский гарнизон, засевший в крепости, упорно не желал капитулировать, несмотря на английскую блокаду. Кейт требовал от Нельсона, чтобы он руководил блокадой острова на месте. Нельсон же то появлялся у острова, то возвращался в Палермо. Однажды, надеясь показать Гамильтонам такое великодушное зрелище, как капитуляция Мальты, Нельсон взял их с собой на корабль, направлявшийся туда. Однако представление не состоялось, французы все не сдавались, и адмирал доставил Эмму и сэра Уильяма обратно.

Кейт был недоволен Нельсоном. Недовольны им были и в адмиралтействе. Слухи о его отношениях с Эммой Гамильтон докатились до Лондона и до жены Нельсона. Фанни заикнулась было, что хочет приехать к мужу в Италию, но Нельсон кратко ответил, что ей надлежит оставаться там, где она находится. Положение Нельсона одним казалось смешным, другим — двусмысленным. Истина требует, однако, сказать, что оно было трагичным. Нельсон и Эмма любили друг друга, причем так сильно, что даже не могли скрывать свои чувства. Адмирал понимал, что ставит под вопрос свою репутацию и в значительной степени карьеру. Для Эммы любовь к Нельсону была чревата еще большими неприятностями. Невероятными усилиями она добилась высокого положения в обществе, став супругой посланника-аристократа. Ее любовь к Нельсону должна была навсегда лишить ее этого положения, не дав реально почти ничего взамен. Развод в те времена в Англии мог быть осуществлен лишь актом парламента, то есть практически был невозможен. Сэр Уильям старательно делал вид, что ничего не замечает. Это ему настолько удавалось, что некоторые авторы и сейчас еще спорят на этот счет. А жена Нельсона Фанни? Она по-прежнему оставалась в Англии и жила в кругу родственников контр-адмирала.

Еще более были недовольны в адмиралтействе многократной недисциплинированностью Нельсона. Там надоели его частые письма с жалобами на здоровье (когда у Нельсона были неприятности, он тут же заболел). Лорды считали, что контр-адмирал слишком много внимания уделяет интересам Неаполитанского королевства за счет других своих обязанностей, которые поэтому оказались в пренебрежении. И Нельсон получил однажды от лорда Спенсера следующее письмо: «Я хотел бы, милорд, чтобы Ваше здоровье позволило Вам остаться в Средиземном море. Но я думаю, согласно с мнением всех друзей Ваших, что Вы скорее поправитесь в Англии, чем оставаясь в бездействии при иностранном дворе, как бы ни были Вам приятны уважение и благодарность, внушенные там Вашими заслугами». Указание было недвусмысленным. 10 июня 1800 г. Нельсон и супруги Гамильтон (сэра Уильяма отозвали с поста посланника официально), а также королева Каролина на корабле «Фоудройант» отплыли из Палермо в Ливорно. Оттуда до Анконы они проследовали по суше. Далее рус-

ский фрегат доставил путешественников до Триеста. Затем они ехали в экипажах до Вены. Здесь Каролина осталась, а ее спутники поехали в Гамбург, откуда морем добрались 6 ноября до Ярмута. Горацио Нельсон вернулся в Англию.

Пятилетие, прошедшее после возвращения Нельсона и Гамильтонов в Англию, было бурным. Разворачивалась и набирала силу англо-французская борьба за первенство в Европе и мире. Она складывалась пока не в пользу Англии. Не мог похвастаться особыми успехами и Нельсон. В свое время он не сумел предотвратить возвращение генерала Бонапарта из Египта во Францию. Следовательно, его блокада Египта оказалась малоуспешной. Не смог решить он и другой важной задачи: Мальта во время Египетского похода Бонапарта не была взята англичанами. Лишь в сентябре 1800 г. им удалось заставить капитулировать французский гарнизон в крепости Ла Валетта. Для английского флота да и для самого Нельсона такая задержка была весьма неприятным эпизодом, ибо англичане более двух лет возились с осадой Мальты, тогда как русские при менее благоприятных условиях быстро взяли Корфу.

Первый консул Франции Бонапарт, сконцентрировав в своих руках власть над страной, несколько удивил своих противников, предложив им заключить мир. Мир казался первому консулу желательным как для юридического оформления территориальной перекройки Европы, так и для подготовки к дальнейшему ведению войны. Представлялось также полезным расколоть при помощи предложений о мире очередную антифранцузскую коалицию, которая раздиралась внутренними противоречиями. Ни сам Бонапарт, ни его главный враг первый министр Великобритании Уильям Питт не заблуждались относительно того, что речь идет в действительности лишь о перемирии. Питт заявил в парламенте: «Почему я снова отрицаю мир? Потому, что он ненадежен и опасен, потому, что он не может быть заключен». Австрия тоже пыталась «отрицать мир». Но разгром ее войск французами в Италии вынудил Вену подписать 9 февраля 1801 г. в Люневилле мир с Францией на очень выгодных для последней условиях.

Упрочение французских позиций в Европе тревожило российское правительство. Казалось, что это обстоятельство должно было стимулировать сближение между Петербургом и Лондоном. Однако нелояльное отношение британского правительства к союзникам, стремление вытеснить из Средиземного моря не только своего врага Францию, но заодно и своего партнера Россию, бесцеремонный захват Мальты, а также попытки подчинить русскую торговлю английскому контролю привели к тому, что правительство Павла I пошло на разрыв с Лондоном. Россия попыталась организовать против британского господства на морях лигу вооруженного нейтралитета с участием Дании, Швеции и Пруссии. Для английских торговых судов все порты от Невы до Эльбы оказались закрытыми.

В это же время произошли изменения в лондонском правительстве. Питта на посту премьер-министра сменил в 1801 г. Г. Аддингтон, настроенный в пользу мира с Францией. Эти перемены затронули и адмиралтейство. Лорд Спенсер уступил руководство военно-морским флотом графу Сент-Винценту. Новый первый лорд, прежний начальник Нельсона, хорошо знал и ценил его. В 1801 г. Нельсон стал вице-адмиралом. Датская экспедиция английского флота, во время которой он вновь отличился, закончилась вскоре успехом.

23 марта 1801 г. в Петербурге произошел дворцовый переворот, и на престоле вместо Павла I оказался молодой Александр I, склонявшийся к союзу с Англией. Нельсону, стоявшему тогда с английской эскадрой на ревальском рейде, пришлось оставить свою мечту о взятии Кронштадта. На него напала хандра. Он опять стал доносить адмиралтейство жалобами на плохое здоровье. Просьба об отпуске была уважена. Командование балтийской эскадрой принял вице-адмирал Поль, а Нельсон 1 июля вернулся в Ярмут. За сражение у Копенгагена он получил долгожданный титул виконта, но иных наград не последовало. Нельсон возмущался такой, по его мнению, несправедливостью, публично протестовал и требовал награды для своих капитанов. Однако безрезультатно.

В верхах Нельсона не любили, хотя умные люди ценили его. Популярность же

его среди простых людей, особенно после Абукира и Копенгагена, была огромной. Вице-адмирал выгодно выделялся среди своих бесцветных коллег. В народе считали, что он смел и удачлив, что он сможет наверняка нанести поражение врагу там, где другие это сделать ни за что не сумеют. В условиях грозной военной борьбы, когда способные военные лидеры нужны для выживания нации, люди склонны, хотя бы мысленно, искать таких лидеров и, найдя, делать из них кумиров. Нельсон был человеком огромной уверенности в своих силах, даже в собственной исключительности. Но он был лишен холодной и спесивой надменности, свойственной английской аристократии. Будучи экспансивной и эмоциональной натурой, Нельсон чрезвычайно любил поклонение, лесть и восхваление (то был один из путей Эммы Гамильтон к его сердцу), но в то же время оставался общительным и простым в отношениях не только с офицерами различных рангов, но и с матросами, заботился о здоровье, о хорошем питании корабельных экипажей.

Однажды со стоянки его эскадры в Англию уходил фрегат, на котором отправлялась почта. На следующий день ожидалось сражение, и все, кто хотел, писали домой письма. Почта была запечатана в мешки и передана на фрегат, тронувшийся в путь под полными парусами. В этот момент обнаружилось, что молодой моряк, собиравший и отправлявший почту, в спешке забыл опустить в мешок собственное письмо. С растерянным видом он держал его в руках, стоя перед дежурным офицером. Офицер резко отчитал его. Случайно Нельсон находился невдалеке и увидел эту сцену. «В чем дело?» — спросил он офицера. «Пустяк, недостойный Вашего внимания, адмирал», — ответил тот, но Нельсон потребовал объяснений и, узнав о происшедшем, отдал приказ поднять сигнал и вернуть фрегат. Письмо гардемарина было отправлено. Случай по-своему беспрецедентный! Он произошел на глазах сотен матросов, а на завтра о нем знала вся эскадра. Способность вице-адмирала на такие поступки делала его очень популярным среди личного состава флота. В этом отношении Нельсон был похож на Наполеона, но тот нередко разыгрывал такие сцены умышленно. Нельсон же чаще руководствовался искренними порывами души.

В октябре 1801 г. Александр I подписал мирный договор с Францией. Примеру союзника последовала Турция. А в марте 1802 г. в Амьене мир с Францией заключила и Англия. Мир для нее был тогда невыгоден. Поэтому он и не мог стать долговечным. Но все же возникла передышка в боевых действиях. Потребность в боевых адмиралах на время уменьшилась, и Нельсон снова погрузился в личную жизнь, достаточно сложную и трудную.

Справедливость требует при оценке деятельности людей судить о них по тому, что они сделали в своей области и какой след оставили в истории. Нередки, однако, отступления от этого правила. Подчас биографы и мемуаристы упиваются житейскими неурядицами, перипетиями личной жизни, осложнениями семейного характера того или иного исторического деятеля. Обычно это делается по трем причинам. Одни считают, что без этого нет подлинной истории. Другие с увлечением рассуждают о семейных передрыгах своих героев, чтобы под предлогом «скрупулезной объективности» кинуть тень на их дела, косвенно дискредитировать их заслуги. Третьи пытаются (может быть, иногда даже бессознательно) приподнять, приукрасить собственную персону, бросив в другого ком грязи. А. М. Горький об этих людях писал: «Странные это существа. Они суетливо кружатся у подножия самых высоких колоколен мира, кружатся, как маленькие собачки, визжат, лают, сливая свои завистливые голоса со звоном великих колоколов Земли; иногда от кого-нибудь из них мы узнаем, что кто-то из предков Льва Толстого служил в некоем департаменте, Гоголь обладал весьма несимпатичными особенностями характера, узнаем массу ценных подробностей в таком же духе, и хотя, может быть, все это правда, но такая маленькая, пошлая, ненужная...».

Связь Нельсона с Эммой Гамильтон, однако, не относится к категории явлений подобного рода. Даже такие умные и тактичные исследователи, как советский историк Е. В. Тарле или американец А. Т. Мэхэн, говоря о Нельсоне, уделяли много внимания его личной жизни. В данном случае это оправдано. Слишком уж большую роль сыграла Эмма в судьбе Нельсона. Она была его соратником по политике и дипломатии, его доверенным лицом. Их переписка свидетельствует, что у Нельсона не было никаких служебных тайн от Эммы. Если в военно-морской стратегии Нельсон был

незаурядной личностью, сочетавшей боевой опыт с полководческим искусством и прозорливостью, то в личной жизни его отличали наивность и непрактичность. Возвратившись в 1800 г. из Неаполя в Лондон, он искренне надеялся, что его семейные дела как-то образуются сами собой; что его жена Фанни все поймет и примирится с существованием Эммы. Естественно, из этого ничего не получилось. Между супругами наступил полный разрыв. Нельсон написал жене прощальное письмо, в котором честно признался, что она никогда не давала ему повода упрекнуть ее в чем-либо. Фанни должна была теперь жить отдельно. Любые отношения, даже переписка, были прерваны. Нельсон позаботился в то же время, чтобы официальная жена ни в чем не нуждалась, и обеспечил ей ежегодную пенсию в 1 200 ф. ст. Этого было достаточно, чтобы вести образ жизни, соответствующий ее положению юридической супруги вице-адмирала виконтессы Нельсон.

В 1801 г. у Эммы родилась дочь. Ее назвали Горацией. Кажется фантастичным, что сэр Уильям не знал ни о беременности своей жены, ни о рождении ребенка. Некоторые биографы утверждают, что он действительно ничего не подозревал. Эмма была женщиной изобретательной и маскировала беременность и роды недомоганием. Затем девочка сразу же была отдана на сторону кормилице, и ее местонахождение хранилось в глубокой тайне. Думается, однако, что 70-летний Гамильтон многое видел, а об остальном догадывался, но, будучи по-своему привязан не только к Эмме, а и к своему прославленному другу, предпочитал делать вид, что считает их отношения платоническими.

Летом и осенью 1801 г. Нельсон командовал английской эскадрой в Ла-Манше и дважды неудачно атаковал французский порт Булонь. Затем по май 1803 г. он был свободен от службы и жил на родине вместе с Гамильтонами. У Нельсона ранее не было своего дома, и он страстно желал приобрести его. Теперь, имея правительственную пенсию и доходы от герцогского имения в Сицилии, можно было осуществить эту мечту. Предприимчивая Эмма подыскала километрах в десяти от Лондона приличный дом с довольно обширным земельным участком — Мертон. В сентябре 1801 г. Нельсон стал владельцем имения, уплатив за него 9 тыс. ф. ст. Хотя жить там Нельсон и Гамильтоны предполагали втроем, сэр Уильям не дал на покупку ни пени.

Эмма с присущим ей азартом занялась перестройкой дома и перепланировкой участка. Нельсону все здесь было по душе. Он любил беседовать с часто навещавшими его капитанами, прогуливаясь на площадке, которая называлась «корма». Другая площадка была известна как «палуба». По земельному владению протекал большой ручей — приток речки Уэндл, впадающей в Темзу. Эмма назвала его Малым Нилом. Сэр Уильям пристрастился к рыбной ловле и подолгу просиживал с удочкой на его тихом берегу. Часто наезжал он и в Лондон, целые дни проводя в Британском музее, где была помещена значительная часть его художественной коллекции. Сэру Уильяму хотелось тишины и покоя. Как многие старики, он любил уютно устроившись в кресле или на берегу речушки, поразмышлять о смысле жизни. В общем, ему нужен был спокойный дом. Однако Мертон был иным.

Двухэтажное здание вмещало более 15 спален, а также много общих комнат, залов и гостиных. И все эти помещения обычно заполняли многочисленные гости, главным образом родственники Нельсона всех степеней и возрастов. За стол садилось ежедневно 15—20 человек. Соседи Нельсона гордились знакомством со знаменитым моряком. Приезжали и лондонские друзья, среди них герцог Кларенс, лорд Минто и еще кое-кто из знати. Однако двор и свет в целом игнорировали Мертон, с демонстративным осуждением относясь к «тройственному союзу» Нельсона и Гамильтонов. Эмма платила аристократическим снобам горячей ненавистью за их высокомерие. Не заботясь о соображениях такта, она с шумом и помпой появлялась в общественных местах вместе с Нельсоном. Ей очень хотелось иметь открытый, большой, радушный дом. Поскольку деньги считать она не умела, Нельсон постоянно испытывал нужду в наличных средствах.

Биографы Нельсона довольно единодушно отмечают, что вице-адмирал был небогат. «Жизнь в Мертоне, — пишет, например, А. Бутаков, — велась широкая в угоду леди Гамильтон и очень отражалась на кармане Нельсона, всегда щедрого и всегда

нуждавшегося в деньгах, между тем как его денежное содержание совсем не соответствовало его заслугам отечеству». Несомненно, однако, что Нельсон располагал достаточными средствами, чтобы жить так, как многие люди его ранга. Если же его доходы составляли бы, допустим, в два раза ббльшую сумму, то можно ли сомневаться, что и они были бы проглочены Мертоном или каким-либо другим домом, поставленным на еще более широкую ногу? История знает множество случаев, когда величайшие таланты гибли, задыхаясь в нужде. Но бывает и так, что, говоря о том или ином деятеле, сетуют, что он страдал от бедности, от непомерных долгов, и забывают при этом сообщить, сколько такой страдалец проигрывал в карты или тратил на прихоти, модные в те времена. Бесспорно, однако, что королевский двор, правительство и адмиралтейство награждали Нельсона меньше, чем других адмиралов. Причин было несколько: его стропивость, необычная самостоятельность, происки недоброжелателей, а также зависть. Авторы жизнеописаний адмирала твердят, что его личные дела являлись пятном на его репутации; этим и объясняется недоброжелательство к Нельсону со стороны аристократии и чиновной верхушки.

Оценивать эту сторону личности Нельсона следует с учетом действовавших в те времена фактических, а не ханжески рекламировавшихся моральных норм. Речь идет о моральных нормах, принятых в тех кругах, которые упрекали Нельсона, а иногда и подвергали его остракизму. В июле 1973 г. американский, причем отнюдь не прогрессивный, журнал посвятил этой проблеме специальное историческое исследование. «Нравы англичан, — писал «Newsweek», — всегда интриговали и сбивали с толку иностранцев... Англия никогда не была такой, какой ее пыталась представить викторианская мораль. Если сегодня Лондон напоминает Вавилон-на-Темзе, то это не более чем роскошное издание жестокого чувственного города XVIII века». Приведа примеры распушенности нравов в высших сферах английского общества в конце XVIII — начале XIX вв., журнал напомнил о знаменитом высказывании актрисы П. Кэмпбелл, относившемся к Лондону: «Здесь вы можете делать все, что угодно, до тех пор, пока вы не делаете этого на улице и не пугаете лошадей». В данном случае мы имеем дело с классическим британским лицемерием: люди, втайне предававшиеся низкому разврату, презрительно осуждали Нельсона и Эмму, открыто и чисто любивших друг друга.

6 апреля 1803 г. «союз трех» пришел к концу. Уильям Гамильтон скончался. Нельсон не присутствовал на похоронах. Он всегда избегал участия в этой церемонии. Эмма скорбела о кончине человека, который так много сделал для нее и всегда был добр к ней. Правда, завещание сэра Уильяма свидетельствовало о том, что в последнее время его отношение к жене изменилось: он ничего не оставил ей, назначив единственным наследником своего племянника Чарльза Гревиля. Но Эмму это мало заботило. Все ее помыслы были сосредоточены на другом. Ведь уход из жизни сэра Уильяма сделал несколько более реальной ее «голубую мечту» — официально стать женой любимого человека. Однако на пути к алтарю все еще стояла законная леди Нельсон.

После смерти Гамильтона Эмма и Нельсон взяли к себе нежно любимую ими Горацию. Но мертонской идиллии не суждено было долго длиться. Период неустойчивого мира с Францией заканчивался. 8 марта 1803 г. король обратился к парламенту с призывом готовиться к возобновлению военных действий. 16 мая Нельсон был назначен главнокомандующим средиземноморской эскадрой, а через два дня официально началась война между Англией и Францией. Британский флот возобновил блокаду французских портов. Англичане захватили много торговых судов противника. В свою очередь, французы заняли Ганновер, принадлежавший английскому королю Георгу III, и энергично готовились к вторжению в Англию.

В 1804 г. Бонапарт стал императором. Агрессивные планы Наполеона I, отражавшие захватнические устремления крупной французской буржуазии, создавали угрозу многим европейским державам и стимулировали создание Третьей коалиции против Франции. Не легко налаживался этот союз. Уж очень сильны были противоречия, раздиравшие союзников. Претензии Англии на право контроля и задержания в открытом море любых торговых судов вызывали возмущение в Петербурге. На Ближнем Востоке англо-русские интересы также сталкивались между собой. Однако перед угрозой со стороны общего врага эти противоречия отступили на второй план.

11 апреля 1805 г. в Петербурге был подписан англо-русский договор о союзе. В коалицию вошли также Австрия, Турция и другие страны.

Нельсон поднял свой флаг на корабле «Виктори». То было уже изрядно изношенное судно, спущенное на воду еще в 1765 г., водоизмещением около 2 тыс. т — обычный трехпалубный линейный корабль тех времен. Многие адмиралы держали на нем свой флаг. В конце XVIII в., в дни бурных мятежей на флоте, «Виктори» служила плавучей тюрьмой. Теперь она была отремонтирована и стала флагманом эскадры. Опять, как и шестью годами ранее, Нельсон караулил французский флот, базировавшийся в Тулоне. В январе 1805 г. французский вице-адмирал Вильнёв, воспользовавшись штормовой погодой, обманул бдительность английской эскадры и вышел в море. Нельсон терзался сомнениями относительно намерений противника. Он решил, что Вильнёв повел свои корабли на Ближний Восток, и направился к Александрии. Выяснилось, что о французском флоте там и не слышали. А французские суда, потрепаные штормом, вернулись тем временем в Тулон и чинились.

Снова началась скучная и изнуряющая блокада. Но вскоре она прервалась. Эскадра Вильнёва 31 марта вышла из Тулона (корабли Нельсона опять ее проморгали) и, на свежем ветре проскочив Гибралтар, ушла через Атлантический океан в Вест-Индию. Там Вильнёв должен был 35 дней ждать прихода другой французской эскадры, из Бреста. Соединившись, они вместе с союзным испанским флотом намеревались направиться в Ла-Манш и прикрыть переправу французских сил вторжения в Англию. Нельсон пытался искать французские корабли в Средиземном море. Только получив из Гибралтара сведения, что те ушли в открытый океан, он верно предположил, что Вильнёв направился в Вест-Индию, хотя и не знал цели похода. Он решил, что противник собирается захватить вест-индские колонии Англии, и прежде всего о. Ямайку. Тогда Нельсон принял ответственное решение идти вслед за французами и, догнав их в Вест-Индии, сорвать их намерения.

Завидев английские корабли, Вильнёв, никак не ожидавший этого, испугался. Не выждав положенного срока, он отправился обратно в Европу. Правда, брестская эскадра не вышла к нему навстречу. Но Нельсон послал быстроходный бриг в Англию и успел предупредить, что французская эскадра находится на пути в Ла-Манш. Это означало, что ее следовало встретить и разбить или хотя бы ни в коем случае не допустить соединения с испанским флотом. Однако соединения все же произошло. Затем не сумевший помешать этому английский адмирал Кальдер, располагая 15 кораблями, имел стычку с 20 судами французов и испанцев, захватил два испанских корабля и заставил противника отступить, но не более того. По Англии прокатилась буря возмущения, ибо усиливалась опасность французского вторжения. Кальдера даже отдали под суд. Все говорили о том, что Нельсон не допустил бы такого. Его авторитет вырос еще больше на фоне нерасторопности других адмиралов.

18 августа Нельсон прибыл в Англию. Флагман «Виктори» бросил якорь на рейде Спитхеда. Вице-адмирал, проведший два года в непрерывном плавании, нуждался в отдыхе и отправился в Мертон, хотя на душе у него было беспокойно. Нельсон понимал, что предстоят решающие сражения, может быть, очень скоро. Летом 1805 г. опасность вторжения французов на Британские острова действительно была реальной. Наполеон надеялся, что, высадив войска в Англии, он не только решит исход войны в свою пользу, но и станет хозяином Европы и всего мира. На французском побережье Ла-Манша было сконцентрировано более 120 тыс. отборных солдат. Ими командовали лучшие наполеоновские генералы. Для перевозки этих сил через пролив собрали и построили около 2 500 судов. В Англии об этих приготовлениях знали не только правительственные сферы, но и весь народ. Тревога и страх овладели страной. У всех еще в памяти были молниеносные и сокрушительные победы Бонапарта в Италии, его смелая Египетская экспедиция. И все задавались вопросом: что может противопоставить Англия французскому вторжению?

Нельсон мыслил военно-морскими категориями и усматривал надежную защиту родины в том, чтобы истребить собранную французами армаду до того, как она двинется через пролив. Впрочем, надежды на флот лелеяли в Англии многие. Да и не удивительно: ведь морские традиции этой страны имели многовековую давность. Возвратившийся на пост первого министра Уильям Питт был человеком с более широким диапазоном стратегического мышления, чем Нельсон. Как истый англичанин он

тоже любил и ценил флот, однако понимал, что средствами одного флота нельзя выиграть войну. Поэтому Питт, не покладая рук и не жалея золота, трудился над созданием Третьей коалиции против Франции. И в наиболее опасный для Англии момент — в августе 1805 г. — русские войска под командованием М. И. Кутузова направились в Центральную Европу. Одновременно против Франции выступила Австрия.

Навстречу союзникам Наполеон был вынужден двинуть булонскую экспедиционную армию, сняв ее с побережья. В Лондоне, много раз просчитавшись в планах борьбы с Францией, не имели серьезной уверенности в том, что Наполеону и на этот раз не удастся разгромить противников. Это означало, что угроза вторжения пока только отсрочена. Лишь позднее определилось, что самоотверженные действия войск М. И. Кутузова действительно избавили Англию от вторжения.

Нельсон надеялся отдохнуть дома месяц-полтора. Но ему удалось пробыть в Мертоне всего 25 дней. Вице-адмирал часто ездил в столицу. Там желали знать мнение Нельсона о степени опасности и возможных мерах ее предотвращения. С ним много раз беседовал Питт, встречались министры, наследник престола принц Уэльсский, и прежде всего Бархэм, новый глава адмиралтейства. Бархэму было уже 80 лет, но он хорошо разбирался в обстановке. Нельсона он близко не знал, однако быстро усвоил суть его соображений и проникся к нему доверием. В руководящих кругах создалось единодушное мнение, что в предстоящем решающем сражении между английским и объединенным франко-испанским флотами командование должно быть поручено Нельсону. Срочно нужна была решительная победа на море, завоевать же ее из тогдашних английских адмиралов мог только Нельсон. Кальдеры в такой ситуации не годились.

В конце августа Питт сказал Нельсону, что его услуги могут потребоваться очень скоро. При очередной встрече были обсуждены все возможные варианты операций против вражеских флотов. Питт поставил вопрос: «Кто должен командовать предстоящей операцией?». Нельсон ответил: «Вы не найдете лучшего человека, чем нынешний командующий Коллингвуд». Адмирал Коллингвуд, друг Нельсона, в тот момент командовал средиземноморской эскадрой. Являлась ли эта рекомендация искренней? Трудно сказать. Во всяком случае, Питт без колебаний отверг рекомендацию, заявив: «Нет, это не подойдет. Вы должны взять командование на себя». Тут Нельсон заявил, что готов отплыть немедленно. Все было продумано им, взвешено и решено заранее.

В предстоящем сражении англичане надеялись не просто добыть победу, но и вообще сокрушить военно-морскую мощь врага. Нельсон понимал, что такое сражение повлечет за собою жертвы. Адмиралы и капитаны находились в разгар боя на верхней палубе и подвергались равной с рядовыми опасности. Нельсон в аналогичных случаях потерял глаз, затем руку, наконец едва не сложил голову при Абукире. Где гарантия, что на этот раз сражение не унесет его жизнь? Когда назначение было окончательно решено, он написал своему другу, банкиру и бизнесмену Дэвисону: «Я могу очень много потерять и очень мало приобрести». Действительно, его честолюбие было уже в значительной степени удовлетворено: имя Нельсона прославилось на всю Европу; материальное обеспечение было достаточным и надежным; в личной жизни, хотя все еще неупорядоченной, он был безусловно счастлив. Почти во всякой страсти, как в море, существуют приливы и отливы. У Нельсона этого не было. Может быть, потому, что любовь, длившаяся семь лет, была прервана смертью еще до того, как наступил отлив? Так или иначе, но письма Нельсона к Эмме свидетельствуют, что он был восторженно счастлив.

Тем не менее вице-адмирал был рад своему назначению. Недаром же он добивался его. В том же письме к Дэвисону он сообщал: «Я иду потому, что это правильно и необходимо, и я сослужу верную службу моей стране». Отъезд на флот был ускорен тем, что Вильнёв вновь сумел ускользнуть со своими кораблями в открытое море. Куда он направился, в Лондоне не могли установить почти полмесяца. «Страна, — пишет Мэхэн, — пережила в течение этих двух недель слишком большой страх, чтобы пойти на риск его повторения».

2 сентября один из друзей Нельсона, капитан Блэквуд, неожиданно появился в Мертоне в 5 час. утра. Вице-адмирал по морской привычке уже встал, был одет и

даже позавтракал. Увидев Блэквуда, он понял, что произошло нечто из ряда вон выходящее. Тот был послан со срочным донесением в адмиралтейство от Коллингвуда, но предварительно заехал к Нельсону: Вильнёв нашелся! Он вошел со своей эскадрой в Кадис, где соединился с основными силами испанского флота. Для какой цели там собралось до 40 линейных кораблей врага, неизвестно. 13 сентября Нельсон уехал в Портсмут, где его ожидал флагман «Виктори». За полчаса до полудня его личный флаг (он носил уже более почетный титул адмирала белого флага) был поднят, и в 14 час. Нельсон поднялся на борт. В этот момент он находился в радостном и приподнятом настроении в отличие от многих его соотечественников, обуреваемых мрачными, тревожными предчувствиями и страхом перед возможностью французского вторжения.

Нельсон отбыл с задачей накрепко заблокировать флот противника в Кадисе или разбить его в решительном сражении. Он предупредил Питта: «Имейте в виду, что только достаточное число кораблей даст возможность уничтожить неприятельский флот», — и попросил увеличить эскадру, предоставленную в его распоряжение. Питт и Бархэм обещали сделать все возможное. Но нужного, по мнению Нельсона, количества кораблей он так и не получил, причем, как это неоднократно случалось и раньше, испытывал острую нехватку в небольших крейсерских судах. Сразиться с франко-испанским флотом можно было лишь в открытом море. Нельсон всячески старался выманить противника из порта. Он убрал подальше эскадру Коллингвуда, крейсеровавшую вблизи Кадиса с целью обеспечить блокаду франко-испанского флота. Теперь с вражеских кораблей ее нельзя было увидеть; лишь цепочка мелких судов осталась для ближнего наблюдения.

Французские и испанские корабли были лучше английских. Нередко англичане, захватив их, приводили в свои порты и пытались копировать при постройке собственных судов. Зато боевая выучка команд в английском флоте, от рядовых до офицеров, была значительно выше, чем у французов и тем более у испанцев. Кроме того, за последние годы тем приходилось подолгу простаивать в заблокированных портах. Это лишало новобранцев возможности приобрести необходимый опыт и закалку. А английские корабли непрерывно бороздили воды Средиземного моря и Атлантики. Наконец, французы отставали от противника в эффективности владения морским оружием. Французский инженер Форре в 1802 г. писал об англичанах: «У них корабли хорошо организованы, хорошо управляются, и артиллерия их хорошо действует... У нас же — совершенно противное». Английские канониры стреляли очень метко и быстрее врага, делая по выстрелу в минуту, тогда как лучшим французским канонирам требовалось три минуты на один выстрел. Французские адмиралы не только сознавали качественное превосходство противника, но и весьма скептически оценивали состояние союзного испанского флота. Адмирал Декре говорил Наполеону: «Я верю в действительную силу кораблей вашего величества и в той же степени уверен в тех кораблях Гравины, которые бывали уже в море. Что касается прочих испанских кораблей, которые первый раз выйдут из порта плохо вооруженные и под командой неопытных капитанов, то признаюсь, я не ведаю, что же можно осмелиться предпринять с этой многочисленной частью союзного флота на другой день после вступления под паруса».

План генерального сражения родился у Нельсона вполне естественно. Первый его вариант (в письменном виде) относился еще к тому времени, когда английская эскадра гонялась за французами в Вест-Индию и обратно. Окончательный же вариант был сформулирован на борту «Виктори» 9 октября, вблизи Кадиса. Нельсон решил разделить свою эскадру на две колонны. Большой колонной должен был командовать второй флагман Коллингвуд. Ему надлежало врезаться во вражескую линию, разорвав ее надвое. Затем в дело должна была вступить колонна Нельсона. Боевой приказ учитывал многие детали, включая такую немаловажную, как ветер, и даже предупреждал, что многое зависит от случая. Коллингвуду и капитанам кораблей предоставлялись инициатива и самостоятельность. «Второй командующий при всех возможных обстоятельствах будет направлять движение своей линии судов, держа ее в максимально компактном порядке, насколько позволят обстоятельства. Капитаны должны следить за тем, чтобы занимать свое определенное место в линии. Но в случае, если сигналы (командующего) не будут различимы и полностью понятны, капитаны не совершат большой ошибки, поставив свой корабль против корабля противника».

Обе колонны английской эскадры должны были подойти к центру вражеской линии на расстояние орудийного выстрела с тем, чтобы атаковать ее и расчленив у 12-го по счету корабля от конца. Тем судам, которые не смогут занять точно свое место, предписывалось прийти на помощь товарищам. Свою колону Нельсон планировал нацелить на вражеский центр. Его приказ требовал также приложить все усилия к тому, чтобы захватить в плен главнокомандующего франко-испанской эскадрой вице-адмирала Вильнёва и второго командующего испанского адмирала Гравину. Тактика Нельсона сводилась к тому, чтобы превосходящими силами навалиться на часть вражеской линии, разбить ее и нарушить строй противника таким образом, чтобы одни корабли не могли прийти на помощь другим, после чего добить врага. Так же Нельсон поступал ранее — и при Абукире, и у Копенгагена. Разница заключалась в том, что там противник был неподвижен, а у Кадиса могло произойти сражение с движущейся вражеской эскадрой.

Сотни книг и тысячи статей восхваляют Нельсона за произведенную им революцию в тактике военно-морского боя. Как и многое другое, приписываемое Нельсону, это тоже требует трезвого подхода. Истинная заслуга Нельсона состояла в том, что он, по выражению У. Х. Фитчера, «приложил здравый смысл к ремеслу войны» на море. До Нельсона применялась нерациональная линейная тактика, считавшаяся непреложным законом. Боевые инструкции требовали ставить суда во время боя параллельно линии судов неприятеля. Получалась дуэль двух кораблей, и сражение распадалось на изолированные поединки. Сила нападающей эскадры рассредоточивалась вдоль неприятельской линии и не могла быть направлена целиком против какой-либо ее части. Первым сломал эту традицию русский адмирал Ф. Ф. Ушаков. Имелись и в Англии адмиралы, которые еще раньше Нельсона понимали абсурдность линейной тактики. Кое-кто из них пытался даже внести свои коррективы. Например, в 1756 г. адмирал Бинг попробовал сделать это, но когда в сражении его постигла неудача, он был казнен за своеволие. Английский военный теоретик Дж. Клерк справедливо нападал на устаревшие догмы, однако его рекомендации не претворялись в жизнь. Нельсон же решительно нарушил старую тактику, введя новые элементы в морской бой и, поскольку ему сопутствовал успех, покрыл себя громкой славой.

Готовясь к сражению, Нельсон больше всего боялся, что союзный флот не выйдет из Кадиса или, даже если нужна и заставит его покинуть порт, уклонится от битвы. Опасения оказались напрасными. Нельсон не знал, что Вильнёв уже не мог не принять бой. Битвы категорически требовал от него Наполеон. Император был возмущен нерешительностью и слабой результативностью действий своего флота. Недовольство его адмиралами было в общем-то справедливым. Но военно-морское дело Наполеон знал недостаточно и слабо чувствовал, из чего складывается победа на море. Двинув булонскую армию на восток, император поставил перед флотом задачу обеспечить господство у берегов Испании и в Гибралтарском проливе. Пока что Вильнёву был дан приказ взять на полгода продовольствия, отплыть из Кадиса, расположенного на атлантическом побережье Испании, через Гибралтар в Картахену и соединиться с находившимися там 8-ю линейными кораблями. Наполеон требовал от флота решимости, энергии, героизма. Одновременно с новой оперативной директивой Вильнёв получил от адмирала Декре из Парижа следующее письмо: «Главное намерение императора состоит в том, чтобы отыскать в рядах офицеров лиц любых званий, наиболее способных к высшему начальствованию. Но чего ищет он прежде всего, так это благородной любви к славе, к соревнованию за почести, решительного характера и безграничного мужества. Его величество хочет уничтожить ту боязливую осторожность, ту оборонительную систему, которые умерщвляют нашу смелость и удваивают предприимчивость неприятеля. Эту смелость император желает видеть во всех своих адмиралах, капитанах, офицерах и матросах и, каковы бы ни были ее последствия, он обещает свое внимание и милости всем тем, кто доведет ее до высшей степени».

Прошло несколько дней, и Наполеон отдал Вильнёву новый приказ, предписывавший, уйдя со всем флотом из Кадиса в Картахену, оттуда проследовать к Неаполю. «Я желаю, — требовал император, — чтобы везде, где вы встретите неприятеля, слабейшего в силах, вы бы немедля напали на него и имели с ним решительное

дело... Вы должны помнить, что успех предприятия зависит более всего от успешности вашего выхода из Кадиса. Мы надеемся, что вы сделаете все, от вас зависящее, чтобы поскорее это исполнить, и рекомендуем вам в этой важной экспедиции смелость и наивозможно большую деятельность». То был не просто приказ, а суровое осуждение Вильнёва. Неоднократная рекомендация смелости и энергии означала, что Вильнёв и его адмиралы не могли похвастать этими качествами. «У англичан,— писал император,— очень поубавится спеси, когда во Франции найдутся два или три адмирала, которые пожелают умереть». Не надеясь, впрочем, что Вильнёв по приказу обретет отвагу и мужество, Наполеон срочно направил ему замену в лице вице-адмирала Розали. Из Парижа в Мадрид, а оттуда в Кадис путь в экипаже был в те времена долгим. К тому же карета Розали сломалась в дороге, и это вызвало дополнительную задержку. Вильнёв узнал о прибытии своего преемника в Испанию, когда тот еще не успел добраться до Кадиса. Мог ли в этих условиях французский главнокомандующий задержаться с выходом в море? Обстоятельства работали на Нельсона, хотя он об этом так никогда и не узнал.

У союзников в Кадисе стояли на якоре 33 линейных корабля — 18 французских и 15 испанских. Нельсон располагал 27 линейными кораблями. По количеству орудий англичане также были слабее союзников. Но, несмотря на это, у Вильнёва не было уверенности в том, что сражение закончится в его пользу. Вывод франко-испанских кораблей из порта затянулся почти на два дня. Англичане тщательно наблюдали за выдвижением противника и старались, во-первых, занять более выгодную позицию в смысле ветра и, во-вторых, стать так, чтобы Вильнёв не смог укрыть после сражения свой флот в Кадисе. В результате сложного маневрирования боевая встреча двух эскадр произошла у мыса Трафальгар, южнее Кадиса и несколько севернее Гибралтара.

21 октября 1805 г. шло медленное маневрирование судов и выстраивание их в боевые линии. Западный ветер, слабый и неустойчивый, тем не менее прижимал союзников к берегу. Ползла зыбь, этот предвестник скорого шторма. Вильнёв, то ли приняв решение о сражении, то ли поняв, что его не избежать, пытался свести свои корабли в одну линию, не имея конкретного плана боевых действий. Обнаружив противника по выходе из Кадиса, он повернул свои суда на север. Получился неправильной формы полумесяц, на вогнутую часть которого в центре двигался с запада двумя колоннами флот Нельсона. Английский флотоводец очень спешил, но ветер обеспечивал движение судов лишь со скоростью примерно 5 км в час. Стопушечный корабль «Ройал Соверейн» возглавлял южную колонну Коллингвуда. Флагман Нельсона «Виктори» шел во главе северной колонны. Этот корабль был поменьше и двигался медленнее. Уже в начале битвы произошло отступление от принятого ранее плана, согласно которому Коллингвуд должен был атаковать первым. Теперь англичане шли на врага одновременно двумя колоннами, перпендикулярно к линии союзной эскадры и держа курс на ее центр, где, по их предположениям, находился корабль Вильнёва.

Нельсон по привычке вышел на палубу очень рано и, как всегда, в адмиральском мундире со всеми орденами. На «Виктори» был вызван капитан Блэквуд, командовавший тремя фрегатами и двумя бригами. Нельсон распорядился, чтобы они занялись добыванием добытых вражеских кораблей и охраню тех судов, которые будут взяты в плен. Блэквуд посоветовал адмиралу в целях безопасности перейти на фрегат как на более быстроходное и маневренное судно. Нельсон не согласился. Капитаны также советовали ему переодеться. Ведь блестящий мундир и сверкающие звезды обязательно привлекут к себе внимание французских стрелков, если корабли «свалятся», то есть станут борт о борт и сцепятся, так что расстояние от ружейных дул до палубы противника будет измеряться немногими десятками метров. Но Нельсон отказался последовать и этому совету.

На корабле шли последние приготовления к бою. Снимались переборки и убиралось все лишнее. К открывающимся бортам комендоры подкатывали орудия и подносили заряды. Нельсон спустился вниз и оформил свое завещание. Капитаны Харди и Блэквуд на спине нагнувшегося комендора скрепили документ своими подписями с тем, чтобы он имел юридическую силу. «Я поручаю,— писал Нельсон,— Эмму леди Гамильтон заботе моего короля и страны. Надеюсь, что они обеспечат ее так, чтобы

она могла жить в соответствии с ее рангом. Я завещаю также милосердию моей стра- ны мою приемную дочь Горацию Нельсон Томпсон и желаю, чтобы она именовалась в будущем только Нельсон...». Поразительным было все же простосердечие этого умудренного в походах и сражениях человека! Нельсон не сомневался, что его лю- бовь к Эмме — вполне достаточное основание для того, чтобы правительством щедро ее обеспечило. Он не мог не знать (леди Гамильтон тысячу раз говорила ему об этом), что в высшем обществе ее ненавидят, осуждают и презирают. Нельсон чувствовал это на себе. И тем не менее за несколько минут до сражения он поручает два самых до- рогих для него существа заботам короля... Говорили, что когда через несколько недель Эмме стало известно это завещание, она воскликнула: «Каким же ребенком был мой Нельсон!». А король и правительство так никогда и не исполнили последнюю волю национального героя страны. Остаток жизни Эмме Гамильтон суждено было провести в нужде и лишениях...

Примерно в 11 часов Нельсон обошел батареи, поблагодарил офицеров и комендоров за готовность к бою. Затем дал Коллингвуду сигнал, уточняющий, в ка- ком месте предстоит разрезать строй противника. Корабли французов и испанцев были уже совсем близко. «Есть вдохновение в бою...». Это чувство всегда охватыва- ло Нельсона перед решающими сражениями. Вот и теперь, в последние минуты перед боем, он приказал поднять для всей английской эскадры сигнал: «Нельсон верит, что каждый...» Сигнальщик сказал, что в коде нет таких слов и сигнал получится очень сложным. Тогда Нельсон продиктовал короткий текст, ставший с тех пор боевым девизом его соотечественников: «Англия ожидает, что каждый исполнит свой долг». Сигнал был встречен на кораблях с энтузиазмом.

Первым врзается в строй противника корабль «Ройал Соверейн», встреченный ураганным орудийным огнем. Вслед за ним «Виктори» держит курс на огромный 130-пушечный корабль «Сантиссима Тринидад» под испанским флагом и на «Бю- сантор», где находился Вильнёв. Но ветер падает, «Виктори» движется очень мед- ленно, а французы, видя флаг Нельсона, бьют по этому кораблю с особым усердием. Никак нельзя прорезать линию противника, не «свалившись» с одним из его судов, и «Виктори» подходит вплотную к «Редутаблю». Теперь бой идет на расстоянии не- скольких метров. Французская артиллерия и стрелки в течение нескольких минут выводят из строя почти всех, находившихся на верхней палубе «Виктори». Из 110 человек продолжают сражаться лишь 20. Нельсон и капитан «Виктори» Харди нахо- дятся на палубе среди груды убитых и раненых. Собственно, руководить боем уже невозможно. Каждый делает свое дело, зная приказ. Капитан слышит слова Нельсо- на: «Дело слишком горячее, Харди, чтобы длиться долго».

Английские корабли бьют двойными зарядами в упор по амбразурам вражеских судов. Там потери и разрушения еще большие, чем у англичан. После первого же залпа «Виктори» на «Бюсанторе» было уничтожено 20 орудий и убито 400 человек. Но французы продолжают бой с прежним пылом. Мачты «Редутабля» усеяны стрел- ками, и они шлют свои пули на «Виктори». С каждой минутой редеет его команда. Вдруг Харди с ужасом видит, как только что стоявший рядом с ним Нельсон падает на левый бок. Наклонясь над раненым адмиралом, сквозь оглушительный шум боя он слышит: «Наконец они меня доконали». Как позднее установили, пуля попала в адмиральский эполет, прошла через плечо, легкое, позвоночник и застряла в муску- лах спины. Адмирала снесли вниз, где уже лежала масса раненых. Он понимал, что это конец. Врач стремился облегчить его муки, а Нельсон продолжал тревожиться об исходе сражения. То и дело он требовал к себе Харди.

А бой продолжался. Лишь через час после ранения адмирала победа стала клониться на сторону англичан. Примерно до полудня с небольшим английские суда прорывали вражеский строй. На их пять головных кораблей пришлось треть всех по- терь в людях. В 14 час. с минутами французский главнокомандующий спустил свой флаг. «Бюсантор» сдался, а Вильнёв был взят в плен. Теперь Харди мог, сойдя вниз, доложить Нельсону, что захвачено 12 или 14 французских судов и что ни один из английских кораблей не сдался врагу. В 16 часов Харди поздравил адмирала с уже очевидной победой. «Взяты 15 кораблей», — сообщил он (как потом оказалось, в действительности к тому времени было уничтожено или захвачено 18 судов против- ника). «Это хорошо, — ответил Нельсон, — но я рассчитывал на 20». И тут же при-

казал становиться на якорь. Адмирал предвидел, что скоро разразится шторм; если поврежденные корабли не станут на якорь, то затонут или будут выброшены на прибрежные скалы. Харди, который послал к Коллингвуду шлюпку с сообщением о ране Нельсона, заметил: «Я думаю, милорд, что теперь адмирал Коллингвуд возьмет на себя ведение дел». «Надеюсь, не тогда, когда я еще жив», — ответил Нельсон. Вплоть до последней минуты он не пожелал сдать командование эскадрой. В вахтенном журнале «Виктори» было записано: «Частый огонь продолжался до 4 с половиною часов, когда по докладу лорду виконту Нельсону о победе он скончался от своей раны».

Перед смертью адмирал все время вспоминал об Эмме и Горации, просил передать им его вещи и локоны волос. Капитана Харди Нельсон просил не хоронить его по обычаю в море, а доставить тело на родину. Харди обещал сделать это. Нельсон умер, зная, что в своем последнем бою он одержал победу. Самоотверженно исполнив свой долг, он умирал не с традиционным возгласом «Да здравствует король!», а со словами любви, обращенными к Эмме и Горации.

Разгром франко-испанского флота был сокрушительным. Избежали его лишь 11 кораблей во главе с Гравиной, ушедшие в Кадис, а также четыре спасшихся в открытом море (вскоре их тоже захватили англичане).

Трафальгарское сражение было самым крупным по результатам и значению из всех баталий, происшедших на море за 22 года коалиционных войн против Франции. Оно нанесло сильный удар по планам Наполеона.

Харди исполнил последнюю волю своего начальника и друга. Тело Нельсона было помещено в бочку с коньяком и доставлено в Лондон. Правда, произошло это не сразу. «Виктори» настолько пострадал в бою, что его пришлось наскоро отремонтировать в Гибралтаре, чтобы он смог добраться до Англии. Лишь 5 декабря корабль прибыл в Портсмут. Похороны Нельсона состоялись в Лондоне 9 января 1806 года. Но мечта адмирала покоиться в Вестминстерском аббатстве не сбылась: его погребли в соборе Св. Павла, и место погребения доныне остается одной из национальных святынь Англии...

После событий, о которых шла речь, прошло 170 лет. Люди, впервые приехавшие в Лондон, часто направляются на Трафальгарскую площадь. Там, напротив Национальной галереи, в окружении фонтанов и огромных бронзовых львов, до блеска отполированных джинсами лондонских подростков, возвышается огромная колонна. Ее венчает фигура Нельсона со шпагой в руке. Снизу эта фигура кажется совсем маленькой, в действительности же она в три человеческих роста. На нее ушло 16 тонн меди из расплавленных французских пушек, взятых как трофей в Трафальгарском сражении. Колонна высока, и с ее вершины медному адмиралу видно море...
